

ПОЛОВОЙ
РЫНОК

А. И. Матюшенский

ТЕМНЫЕ СПРАСКИ

SALAMANDRA P.V.V.

**А. И.
МАТЮШЕНСКИЙ**

ПОЛОВОЙ РЫНОК

**И ПОЛОВЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

Salamandra P.V.V.

Матюшенский А. И.

Половой рынок и половые отношения. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 115 с. — (Темные страсти).

В сборнике очерков скандального журналиста, писателя и издателя А. И. Матюшенского (1862-1931) «Половой рынок и половые отношения», впервые вышедшем в свет в начале XX века, автор задался целью «наметить более или менее правильный взгляд на так называемую продажную любовь и ее жриц и жрецов» и описать царящую в обществе «пряную атмосферу разгула и циничного разврата».

А. И. Матюшенскій.

**Половой рынокъ
и половыя отношенія.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «СЪВЕРЪ», Садовая 60.
1908.

ПОЛОВОЙ РЫНОК
И
ПОЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

От автора

Предлагая читателям наш труд, мы должны оговориться, что не претендуем на исчерпывающее значение сделанных нами изысканий. Наша задача много скромнее. Только наметить, — а никак не установить, — более или менее правильный взгляд на так называемую продажную любовь и ее жриц и жрецов. Тем не менее, ряд имеющихся в нашем распоряжении фактов дает достаточный материал для того, чтобы безошибочно найти причины и источники продажной любви. На первом месте тут несомненно стоит с одной стороны голод, нужда и невежество, а с другой — пересыщение, безделье и бессердечие... И только на второе или на третье место можно поставить желание задавленного подневольным трудом и нуждой человека (женщины) «пожить повеселее». Но и тут в значительной мере влияет развращающий пример «властителей жизни», распространяющих «угар веселья» на соприкасающиеся с ними слои трудящегося населения.

В сфере влияния этого угара создается пряная атмосфера разгула и циничного разврата, захватывающего в водоворот отрицания каких бы то ни было принципов в особенности темные, малосознательные единицы. Какому-нибудь полуграмотному мастеру трудно не следовать примеру блестящего инженера, директора завода, который в глазах такого мастера является идеалом ума и образованности. Еще легче тому же влиянию подчиняется деревенская девушка, попавшая в сферу притяжения «угара». Она слепо, как мотылек, летит на огонь и... гибнет, безвозвратно и в ужасных страданиях.

В корне же всего этого моря зла и страданий стоит несомненно самый строй жизни, система, от давления которой не свободны не только рабы, но и господа. И если рабы гибнут в муках и страданиях в лице отдельных особей, то господа, как нам представляется, идут к бесславному концу полным комплектом, хотя и без мук. Пьяной компанией, в атмосфере цинизма и разврата, они медленно, но

верно подвигаются к своей исторической могиле.

Повторяем, в нашем труде нет чего-либо исчерпывающего и законченного. Мы даем только ряд фактов и отношений общественных единиц, которые, как нам кажется, сами по себе намечают путь исследования, которое мы и предоставляем другим, обладающим лучшими условиями для серьезной и обширной работы, чем мы.

Автор

ДЕТИ

С тех пор прошло три года, а эти две фигуры и сейчас стоят пред моими глазами.

Я их встретил совершенно случайно, или, вернее, не встретил, а почти наступил на них в их более чем странном жилище.

Я жил тогда в одном приморском городе.

Мне нужно было лодку, чтобы прокатиться по морю. Была зима, но погода стояла такая чудная, луна так заманчиво рассыпала по волнам серебряные блески, что я как-то невольно с набережной направился к одной из пристаней, где обыкновенно стояли лодочники-персы с своими лодками. Лодки были тут, но ни одного лодочника не было.

— Лодочник! — крикнул я и стукнул о край пристани палкой.

Палка вырвалась у меня из рук и полетела под пристань, на откос берега. Палку мне не хотелось терять, и я по берегу стал спускаться к воде. Под пристанью было совершенно темно, я полез в карман за спичками, а сам осторожно подвигался вперед. Как вдруг под ногой я почувствовал что-то мягкое — живое — и в то же время услышал молодой еще совсем мальчишеский голос:

— Что ты на людей-то лезешь!

Я зажег спичку и отступил на шаг.

Предо мной была куча тряпья, грязного, закопченного, из которого сверкали четыре глаза.

— Кого тебе? — проговорило тряпье.

— Как кого?

— Ну, ее или меня нужно?

Я ничего не понимал, но затем понял, — это были: девочка и мальчик, занимающиеся проституцией. Ему было тринадцать, ей двенадцать лет. Здесь они жили, здесь же и принимали своих посетителей, или гостей, как называли они их.

— Мы думали, ты к нам идешь, — разочарованно проговорил мальчик после некоторых весьма откровенных по-

яснений.

— Но как же вы тут живете? Ведь холодно.

— А где же нам жить? — ответил мальчик вопросом же.

— Разве у вас нет никого родных?

— Нет.

— И давно вы тут?

— Всегда.

— Как всегда?

— Так и всегда! — с досадой повторил мальчик.

Девочка все время молчала, хотя не спускала с меня глаз.

— Тут наше место, — пояснил минуту спустя мой собеседник. — Под другими пристанями другие, а тут мы с Дунькой.

— А она тебе как приходится?

На это мальчик ответил грубой сальностью, из которой можно было понять, что девочка — его любовница. Из дальнейших разговоров с ними я узнал, что они жили на общий заработок, причем кассой заведовал мальчик, он же производил и все расходы.

— И много вы зарабатываете? — спросил я.

— Сколько придется.

— Вчера мне один барин полтинник дал, — отозвалась девочка. Она, по-видимому, гордилась таким «большим» заработком.

— А к вам и господа ходят?

— А то нет! — обидчиво отозвалась девочка.

Я не стал расспрашивать, что за господа пользуются этими несчастными; меня больше интересовали их взаимные отношения; мне хотелось узнать, как этот сын улицы относится к своей подруге, как к супруге и как к товарищу по работе. Я желал поэтому продлить беседу, а между тем, мне было не по себе в этом темном месте, под настилкой пристани, где, может быть, еще за час до этого совершалось надругание над детским телом.

«А ведь они, вероятно, голодны?» — кстати пришла мне в голову мысль, и я решил пригласить их куда-нибудь поужинать.

— А где вы ужинаете? — спросил я их.

Они сначала меня не поняли, по-видимому, понятие «ужин», как нечто обязательное, ежедневно повторяющееся, им было неизвестно. Они просто ели, когда к тому была возможность, но совершенно не понимали возможности установления времени для еды. Это было вне условий их жизни. Аппетит у них был всегда, в течение 24-х часов в сутки, и, если есть еда, то они ели во всякое время с удовольствием, хотя бы десять раз в сутки. Но действительность в этом отношении их не баловала и далеко не сообразовалась с их аппетитом: насыщаться им приходилась часто в двое и даже в трое суток раз. Зато бывали дни, когда они ели по шести раз и даже более.

Вот почему мой вопрос об ужине вызвал вместе и улыбку и недоумение на лицах моих собеседников.

— Что смеетесь? Я спрашиваю, где вы едите?

— Гм! где мы едим, Дунька! — насмешливо проговорил мальчик и толкнул свою подругу локтем.

Дунька хихикнула и уткнула свой нос в бывшее на ней тряпье.

— Ну, если бы вы сейчас захотели есть, куда бы вы пошли?

— Захотели! — иронически проговорил мальчик. — Мы уж давно хотим, да вот тут-то пусто.

И он хлопнул себя по карману.

— Ну, а если бы у вас были деньги?

— Откуда им быть?

— Да вот я вам сейчас дам денег, — куда вы пойдете?

— Смотря сколько дашь. Если пятак, то в лавочку, купим хлеба и поедим.

— А если больше, если рубль?

— Ну, рубль-то ты не дашь! — скептически протянул мальчик.

Я вынул рубль и бросил мальчику в колени.

— Вот тебе рубль, пойдете, покажите мне, где вы едите.

— Ты взаправду? — удивился мальчик, не дотрагиваясь до блестящего в темноте рубля.

— Конечно.

Но ему все еще не верилось, что так, ни с того ни с сего, ему дают рубль.

Девочка толкнула его под бок и что-то шепнула ему на ухо. Он как-то особенно взглянул на меня, взял рубль и, вставая на ноги, проговорил:

— Ну, пойдем.

— А мне идти? — робко спросила девочка, обращаясь ко мне.

— Конечно, иди, ведь ты тоже хочешь есть.

— Мало ли что? Может быть, ты не хочешь, чтобы я была там — всякие ведь бывают!

— Нет-нет, непременно пойдем! — поспешил я заявить, испугавшись перспективы явиться вдвоем с мальчиком в такое место, где его профессия, очевидно, всем и каждому была известна.

— Что ж, пойдем, Дунька, бывают ведь и такие. Помнишь прошлогоднего капитана?

Для меня эти слова остались непонятными, но потом я понял их значение.

Мы пошли по набережной, они шли вперед, я за ними. Через десять минут они привели меня в грязный трактир в полуподвальном этаже.

В трактире было несколько маленьких отдельных клетушек, в одну из которых нас и провел мальчик, прислуживавший гостям.

В общей зале трактира было несколько посетителей, очевидно, завсегдатаев; они как-то особенно посмотрели на меня, когда я проходил со своими спутниками в отдельный «кабинет». А один даже кивнул на меня головой и проговорил что-то вроде: «Ого!»

— Ну, что же вы будете есть? — спросил я.

— Все равно, что закажете, — отозвался мальчик.

Я велел подать две порции шашлыка.

— Да ты смотри — порции-то побольше! — крикнул мальчик вслед уходившему прислужнику.

— А разве тут большие и маленькие порции бывают? — спросил я.

- А то! Им смотри в зубы-то, так они сейчас нагреют!
- Часто вы тут едите?
- Больше все с «гостями», а так, одни, не ходим.
- А когда в последний раз ели?
- Вчера в полдень.

Было уже около десяти часов вечера, значит, дети не ели около 35 часов. Приняв это в соображение, я решил, что двух порций шашлыка им будет мало и велел сварить еще шесть яиц и подать десяток раков.

— И пива подай! — дополнил мои распоряжения мальчик.

- Пива не надо, — сказал я.
- Ну вот, лучше раков не надо, — что в них!
- Но разве ты пьешь пиво?
- А-то!
- А она?

— Она-то? Она, небось, и водку пьет. Нам нельзя не пить, у нас работа такая. Не станешь пить, так тебя и не возьмет никто.

- А давно вы занимаетесь этой работой?
- Дунька недавно, с прошлого года, а я уже третий год.

Я смотрел на них и никак не мог примириться с действительностью. Она и теперь была худенькая, слабенькая, изможденная, малорослая, — что же было год назад? — задавал я себе вопрос. И кто тот зверь, который посягнул на нее?

Но «зверь», оказывается, сидел предо мной, — это он, ее настоящий сожитель и товарищ по ремеслу, совратил ее и из девочки-нищей превратил в девочку-проститутку.

Первый раз они встретились предыдущей зимой под той же пристанью, где нашел их я. Он уже жил там и раньше, а она пришла туда за неимением другого ночлега. Было холодно, и на них были лохмотья летнего платья, и они согревались друг около друга. Но не это было причиной падения Дуньки; они еще были настолько молоды, что совместный ночлег не возбуждал их инстинктов. Даже и теперь, год спустя, она говорит о своей «работе», как о довольно чувствительном мучении. А тогда она с ужасом думала об

этом. Но обстоятельства были таковы, что пришлось покориться. Как раз настали холодные дни, публики было мало на улицах, и Дунька возвращалась под пристань с пустыми руками.

— Никто не подавал.

У Егорки — так звали мальчика, — тоже не было заработка, и дети голодали по три дня кряду.

— А тут к Дуньке один лодочник стал приставать, — рассказывал Егор, — три рубля сулил. Я говорю: «Соглашайся, дура!», а она боится, как только увидит его, так бежать. Пробовал я ее и бить — ничего не помогает: «Лучше, — говорит, — убей!»

Чтобы уменьшить этот безотчетный страх перед неизвестным, Егорка при первом же заработке напоил свою подружку водкой... На это подвинул его собственный опыт...

Такова история падения этих двух обездоленных бесприютных детей. Все происходило чрезвычайно просто и вместе с тем производило ужасное впечатление. Кто-то когда-то их родил и чуть не после рождения выбросил на улицу.

— Моя мать в больнице умерла, — говорит Дунька, — а тетка меня выгнала, сказала: «Ступай в приют! Кормить, что ли, я тебя буду?»

Она и пошла, но приюта, конечно, не нашла, так как ей тогда было лет 6-7. Улица приняла ее и кормила, а также и давала ей ночлег под пристанью, под брусьями, на лесных пристанях и вообще во всяком темном, защищенном от ветра углу.

— Подавали сначала хорошо, каждый день больше гривенника набиралось, — вспоминает она.

И если бы она не вырастала, а так и оставалась шестилетней крошкой, улица, вероятно, продолжала бы отпускать ей ежедневно по гривеннику. Но она по неумолимому закону природы росла, туго, но все же росла, и это-то ее и погубило. В 11 лет улица нашла, что она уже может зарабатывать свой хлеб, и перестала отпускать гривенники. На ее судьбе, как в зеркале, отразилось буржуазное мирозерцание, в котором детский труд представляет из себя то Эльдо-

радо, к которому стремится всякий владелец орудий труда.

— Дети должны работать, их труд самый выгодный, а неработающая 11-ти летняя девочка является прямым убытком для «общества».

Вот что молчаливо ответила Дуньке улица, когда она протягивала руку за подаванием.

И вот она работает! Теперь она не сидит на шее общества, она живет своим «трудом»!

История Егорки точная копия с истории его подруги, с той только разницей, что он совсем не помнит своих родителей. Матерью его всегда была улица, поступила она с ним так же, как и с Дунькой, и к тому и другому приложена была одна и та же мерка. До одиннадцати лет кое-как кормился подаванием, а на двенадцатом году принужден был согласиться на предложение «лодочника». Разница была еще в том, что его «лодочник» заплатил ему не три рубля, а всего рубль, хотя это был богатый человек, домовладелец, гласный думы. Этот господин, очевидно, лучше знал рыночную цену детского тела, чем лодочник, о трех рублях которого дети сами говорят, как о сумме, далеко превышающей ценность оказанной услуги.

Три рубля для них целое богатство, они даже боялись, что их ограбят, и прятались от всех. Им казалось, что все только и думают об их «богатстве».

Егоркин первый «гость» в качестве привычного ценителя труда, конечно, знал это и вознаградил его рублем. Но Егорка не обижается на него, он находит, что все это в порядке вещей.

Ведь он не один занимается этой «работой» и всем так же платят. Егорка болен, его заразили, но и на это он не обижается и это находит он в порядке вещей.

Его удивляет скорее обратное: человеческое отношение к нему постороннего лица, бескорыстное желание помочь, войти в его положение. Это ему непонятно, к этому он не привык и это не укладывается в его голове. Так, он никак не мог примириться с тем, что ни он, ни Дунька не нужны мне и что все наше знакомство ограничится одним ужином.

Напротив, он думал, что мне нужны одновременно и он, и его подруга, — иначе зачем я их кормлю обоих, а не одного которого-нибудь.

Именно это он имел в виду там, под пристанью, когда сказал:

«Пойдем, Дунька, бывают ведь и такие! Помнишь прошлогодного капитана?»

«Прошлогодний капитан» именно надругался над ними обоими вместе, при самой отвратительной обстановке.

И как я ни уверял их, что ничего подобного не желаю, они не верили, это видно было по их глазам, по их переглядыванию между собой. Поверили, и то с трудом, только когда я распростился с ними у дверей притона.

— Вы вправду уходите?

— Конечно, а ты все не веришь?

— Нет, зачем не верить... пойдем, Дунька, всякие господа-то бывают!

И они скрылись в темноте.

ДЕТИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ СОВЕСТЬ

С тех пор прошло три года, а стоит только мне закрыть глаза, как обе детские фигурки вырастают предо мной в той обстановке, в какой я провел с ними около двух часов.

Егорка сидит, опершись локтями на стол, и говорит:

— Гости все больше под пристанью у нас бывают: когда к ней приходят, я отойду немного и жду, а когда ко мне придет кто, она отойдет... А потом идем в лавку покупать хлеб...

Какой горький хлеб достается им в жизни!

Тогда этот мальчик в роли проститута был для меня в новинку; я, как житель внутренних губерний России, не предполагал ничего подобного, поэтому так и поразила меня эта злополучная пара. Теперь я знаю, что детская проституция в среде обоих полов — обычное явление не в одном только этом городе. И к стыду моему, должен сознаться, что меня это больше не поражает. Я негодовал на общество, что оно равнодушно смотрит на такое отвратительное явление, а теперь сам слился с этим обществом и так же равнодушно смотрю на эту гнусность, как и оно. Таково влияние постоянно находящегося перед глазами факта — в конце концов он получает право существования в глазах всех, не исключая и тех, которые должны стоять на страже интересов общества.

Явление это общее, например, для всего Кавказа, однако в закавказской прессе вы не встретите крика негодования по этому поводу, она довольно равнодушно отмечает: «Такого-то числа, такой-то обыватель совершил гнусное насилие над мальчиком стольких-то лет». И только не ждите статьи или фельетона по поводу этого гнусного насилия, их не будет, ибо это «гнусное насилие» есть обычное явление в общественной жизни, к нему все присмотрелись, всем оно надоело и никого не интересует. Я говорю это не в упрек кавказской прессе, — нельзя негодовать ежедневно и без конца по поводу одного и того же явления, как бы оно возмутительно не было. В конце концов или негодование уляжется, или негодующий не будет иметь слушателей, мимо

него будут проходить так же равнодушно, как равнодушно проходят мимо самого факта, по поводу которого выражается негодование. Отмечая равнодушное отношение печати к этому печальному факту, я только хочу показать, насколько распространено и насколько глубоко пустило корни то явление, о котором я говорю. Его волей-неволей признают имеющим право существования, признает, конечно, прежде всего общество, и с ним вместе не может не признавать и печать, как кость от кости общества и плоть от плоти его.

Борьба со злом при таком положении для отдельного лица является более чем трудной, на какой бы почве это лицо ни повело свою борьбу. Общество, раз оно признало за чем-либо право существования, всегда умеет дать отпор новатору. Всякое преследование за неестественный порок тотчас встречает обвинение преследователя к шантажу.

— Это шантаж! — вполне искренне кричит обвиняемый, так как считает, что, преследуя его за то, что делают безнаказанно все, обвинитель поступает с ним несправедливо.

И его крик находит сочувствие и поддержку со стороны общества, так как на него тотчас откликаются все те, которые только по случайности не обвиняются в том же.

Года четыре назад в городе Б. случайно возникло дело о насилии над одним мальчиком, причем на следствии он указал до 12-ти лиц, имевших с ним постоянные сношения. В числе указанных мальчиком лиц было несколько человек гласных думы. Факт этот в печать не попал, но частно был известен всем, тем не менее, никакого негодования в обществе не вызвал. Над обвиняемыми добродушно посмеивались, подшучивали, но в то же время им сочувствовали, им старались помогать выкрутиться из неприятного дела. Все кричали: «Это шантаж!» — хотя все прекрасно знали, что обвиняемые в этом отношении считаются любителями.

Такое отношение общества к неестественному пороку не может, конечно, не остаться без влияния и на следственную власть. Дел подобного рода в Б. возникает масса, но почти все они, за самым незначительным исключением, идут на прекращение.

Мальчик, обыкновенно, со всеми подробностями описывает гнусный акт, указывает место, время действия, участвующих лиц, — но все это ничему не помогает без сочувствия общества. Общество хором кричит: «Это шантаж!»

И этим криком гипнотизирует следователя, внушает ему непреодолимое сомнение в каждом слове мальчика и, напротив, доверие к каждому слову обвиняемого и его свидетелей, — и в конце концов получается такая картина предварительного судебного следствия, что дело не прекратить нельзя.

И оно прекращается, что само собой набрасывает тень на обвинителя, как на шантажиста.

БИРЖА ТЕЛА И НЕЕСТЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

В результате вырастает уже совершенно невероятное явление. Указанный порок, как известно, карается по русским законам весьма строго, хотя бы и было согласие обеих сторон, — следовательно, какого-либо открытого проявления этого порока быть не должно, и, казалось бы, и быть не может. Однако, в Б. существует также всем известное место, на котором мальчики открыто предлагают себя желающим.

Место это находится в центре города и называется «Парапет». На этом Парапете каждый вечер, на виду у всех, встречаются спрос и предложение... Мальчики-профессионалы, более или менее расфранченные, в туземных костюмах, ждут своих клиентов. И все, не исключая и властей, равнодушно проходят мимо этой гнусной биржи, она функционирует беспрепятственно.

Далее, в различных духанах прислуживают обыкновенно мальчики лет пятнадцати-шестнадцати; они всегда выкормлены, с женоподобными торсами. Это «содержанцы» хозяев. Тут даже встречается нечто вроде настоящей страсти, с изменами, муками ревности, бурными сценами, доходящими нередко до убийства или соперника, или мальчика-изменника.

Было, например, такое дело в судебной практике. Мальчик служил в лавочке и был в связи с хозяином, который пылал к нему. Но за этим же мальчиком ухаживал, и небезуспешно, сосед. Хозяина — содержателя мальчика — мучила ревность, он дошел до того, что стал грозить соседу убийством, но тут они случайно узнают, что мальчик изменяет им обоим.

Враги заключают союз и убивают мальчика.

И такие случаи не редкость. Вообще, принято мстить самому мальчику, и только в редких случаях месть обрушивается на соперника.

В местных газетах часто приходится встречать заметки такого рода: «Такого-то числа, в таком-то переулке найден труп юноши лет 15-16. На трупе оказалось 8 колотых ран».

Ран иногда бывает и больше, — это рассвирепевший ревнивец вымещал на мальчике муки ревности. Убийца в таких случаях в огромном большинстве остается безнаказанным; он известен всем близким, но эти близкие считают его месть законной. Уличный мальчик, брошенный своими родителями на произвол судьбы, становится достоянием улицы, откуда его волен брать всякий желающий и берет. С этого момента он принадлежит своему владельцу, затрачивающему на него известную сумму денег. Охрана своих прав в таком случае и месть за нарушение этих прав считаются вполне естественными и законными. При столкновении такого мальчика с его обладателем негодование обрушивается не на последнего, а на первого:

«Он взял с улицы, обул, одел, кормил, как на убой, а он?»

Взгляд, как видите, очень простой, как на нарушение права собственности. Закон не покровительствует этому праву, а даже преследует его, но общество не хочет примириться с этим законом, он чужд ему, так как гнусное явление выросло раньше появления русских законов, оно существует много веков и давным-давно сделалось «потребностью» Востока, как его многоженство, дома терпимости, содержанки и проч.

Гнушно, неестественно, но таков Восток, такова его культура, способствующая произрастанию даже и более гнусных, более неестественных пороков.

В требниках восточной церкви, в правилах об исповеди, имеются такие вопросы: «Не пался ли со скотом, со птицею?..»

Эти слова с восточных требников целиком перенесены и в наши русские требники, хотя последний из двух пороков никому из русских не придет и в голову.

Но на Востоке, очевидно, если не сейчас, то в прежнее время и этот порок имел свое место, иначе он не был бы помещен в числе человеческих прегрешений.

Больше того, можно сказать, что порок этот был сильно распространен, так как фигурирует в числе грехов обычных, не первостепенной важности, считается, следовательно, обычной человеческой слабостью, с которой прихо-

дится мириться, так как «грешен есмь и во грехах роди мя мати моя».

Вот это-то — «грешен есмь и во гресех роди мя мати моя», как принцип, как уступка человеческому темпераменту, и дает право существования пороку, как бы он, по нашему понятию, ни был гнусен, — и никакая строгость закона тут не поможет, пока само общество не откажется от своих старых укоренившихся взглядов и не признает, что «мальчики», как предмет наслаждения, — гнусность и неестественная гнусность. До тех пор всякие попытки борьбы с этим злом будут разбиваться о пассивное сопротивление общества; оно всегда сумеет защитить «кость от кости своей, плоть от плоти своей».

Какая-либо непосредственная борьба с любителями гнусного порока затрудняется еще и тем, что пороку этому предаются почти исключительно состоятельные буржуазные классы, которые в сущности и являются носителями и выразителями общественного мнения. По крайней мере, голос этого класса всегда раздается громче всех других голосов и, конечно, производит соответствующее действие. Как на пример, можно указать на отношение общества к недавно возникшему в Б. «Обществу защиты несчастных женщин» (по образцу казанского).

Почти на другой день после учредительского собрания к секретарю и учредителю этого общества пришла одна девушка и со слезами умоляла помочь ей.

Она приехала в Б. искать заработка, но долго никакой работы найти не могла и дошла до того, что стала голодать. Этим воспользовался один капиталист, под чужим именем познакомился с ней и разными заманчивыми обещаниями склонил к сожителству. Прижатая нуждой, девушка согласилась и через несколько дней забеременела. Как только сожитель узнал об этом, так бросил ее, не сказав ей своего настоящего имени. Она осталась без куска хлеба. К довершению всего, беременность сопровождалась припадками тошноты и головокружения, так что ни за какую работу она взяться не могла. А в будущем предстояло рождение ребенка, который еще больше свяжет руки.

— Если вы не поможете, то мне остается одно: наложить на себя руки! — заявила несчастная.

Начались поиски сожителя, которые, к счастью, увенчались успехом. Как только «псевдоним» его был раскрыт, так он тотчас согласился обеспечить будущего ребенка. Между ним и девушкой было решено, что он даст ей 1.800 р. единовременно, она уедет в свой родной город, там в пригородном селе купит маленький клочок земли, устроит нечто в роде фермы и будет жить продажей в городе молока, масла, яиц и проч. Условие это тотчас же и было выполнено. Она получила деньги и уехала. Кажется, лучшего конца и ожидать нельзя, тем более что имя соблазнителя осталось в тайне. И тем не менее, буржуазная часть общества сочла своей обязанностью забить в набат. В действиях учредителей эта часть общества увидела грозящую ей опасность.

«Это шантаж! — не задумываясь, решили степенные буржуа. — Она сама виновата, она знала, на что шла! Так все захотят получить куш с своих сожителей».

Ни обман, посредством которого «сожитель» добился своего, ни то, что деньги были даны, собственно, не ей, а ее будущему ребенку, ни даже то, что этот господин, как выяснилось, ходит по гостиницам и ловит всех приезжих, — ничто не останавливало негодования возмущенных буржуа. Они ничего знать не хотели, они только видели, что «общество» вторгается в их обычный строй жизни и хочет пошатнуть устои свободной доселе купли-продажи человеческого тела.

Каковы формы этой купли-продажи, мы постараемся выяснить в дальнейшем изложении

Пока же к сказанному нам остается добавить несколько слов.

Здесь взят один только город, притом восточный, отчего и сами явления принимают как бы исключительный характер.

На самом деле, ни этот город, ни сам Восток не составляют в этом отношении исключения. Что касается детской проституции, то она распространена по всей России. Мак-

сим Горький, например, описывает свою встречу с девочкой-проституткой в Казани. Как на распространившееся уже зло газеты указывают на то же явление в Москве, в Киеве, в Одессе. Мне лично пришлось наблюдать детскую проституцию в Саратове, в Самаре, в Кишиневе.

Всюду в этих местах детское тело терзается и эксплуатируется в широких масштабах.

Несколько в ином положении «мальчики». Территориально и это явление распространено не менее широко. Петербург так же не свободен от этого зла, как и Тифлис. Но в Петербурге этот порок составляет привилегию так называемых высших классов.

Тут, конечно, нет биржи наподобие Б-ой, а поэтому и спрос ищет предложения другими путями. Тут, например, молодой чиновник прислуживается своей молодостью солидному сановнику и делает таким образом карьеру.

Любители подобных наслаждений тут так же известны всем, как и на Востоке, и отношение общества к ним таково же, как и там. Имеется даже и такой кружок людей, где указанный неестественный порок и другие его формы считаются своего рода аристократизмом духа, признаком утонченности натуры.

СВОДНИЧЕСТВО

Несомненно, что в купле-продаже человеческого тела огромную роль играют так называемые сводни. Когда приотворишь к их деятельности во всех ее подробностях, то невольно в душу закрадываются и ужас, и удивление:

Как много зла может сделать один человек!

И тут же является вопрос: а сколько зла приносят все они? Вот уже который год я изучаю эту сторону русской жизни, и с каждым днем действительность поражает меня все новыми и новыми фактами. В роли сводней выступают мужья, братья, сестры, отцы, матери, зятья и посторонние люди. По общественному положению своему сводни стоят буквально снизу доверху. Сводню вы встретите, с одной стороны, в лице члена и даже старшины клуба, с другой — в лице лакея самого грязного кабака.

Явление это, само собой разумеется, стоит в прямой зависимости от выгоды этого ремесла, что в свою очередь объясняется обилием бешеных денег в известных классах, а также и обилием пришлых людей в промышленных центрах. Каждую весну со всех концов России начинается прилив рабочего люда в эти центры; все пароходы и поезда железных дорог полны пестрой массой; тут вы найдете людей всех профессий, — их привлекает слух о больших заработках. В особенности эти волны людей сильно бьют к таким центрам, как к Баку, например. Заработки там действительно лучше, чем в России, женский труд также ценится довольно высоко, — но все же не настолько, как это думают ищущие заработков. А в периоды кризиса в Баку, пожалуй, хуже, чем где бы то ни было, — жизнь дорога, а заработков никаких. Но серая масса никакого понятия о кризисах не имеет: газет она не читает и всецело полагается на изустные легенды. А эти легенды с фактами не стесняются. Както я возвращался с Волги в Баку. В это время кризис был в полном разгаре, рабочих за счет казны отправляли на родину и тем не менее, все пароходы, идущие в Баку, были полны рабочим людом...

— Зачем вы едете? — спрашивал я многих. — В Баку нет теперь работы.

— Говорят, есть, — иронически отвечали мне.

А на мои попытки объяснить положение дел в нефтяной промышленности, мне отвечали: «Так, так...» Это значит: говори, что хочешь, а мы знаем, что знаем.

Меня удивляло такое отношение к моим попыткам разъяснить положение вещей. Мне казалось, что для всех моих спутников это самый интересный вопрос, ведь не могли же они не интересоваться вопросом: что ожидает их впереди? Однако, они и слушать не хотели меня и при первой возможности или заводили разговор на другую тему или же просто отходили от меня. Недоумению моему не было конца, — но я очень скоро понял, в чем дело...

Как-то раз я сидел на корме парохода и от нечего делать проверял скорость его хода. Шагах в пяти-шести от меня расположилась кучка женщин и молодых девушек. Судя по костюму, это были горничные, кухарки, няньки. Все они сгруппировались вокруг одной уже пожилой женщины с фиолетовым носом. Она им что-то рассказывала про Баку.

— Я в этой самой Баке десять лет прожила и ни на какой Саратов ее не променяю. Там тебе, первым долгом, всяческое уважение, — не то что ты хозяйке угодить должна, а она тебе в глаза смотрит. Потому — что не так, сейчас: расчет подавайте... Мало-мальски, если ты кухарка понимающая или горничная — двадцать пять рублей, отдельная тебе комната, кровать с матрасом, комод и все прочее, — как у барыни, так и у тебя. На базар ты пошла, у тебя мало так рубль останется, а если ты с умом, то и больше. Вот и посчитай, сколько оно будет. А к праздникам — барыня тебе на шерстяное платье, барин — золотой в пятнадцать рублей, баринов брат, или еще кто, тоже подарки дает. А захотела ты прогуляться, только скажи: «Барыня, я ухожу», — и слова не посмеет пикнуть: нельзя там или еще что... Вот она какая, Бака-то!

Потом подобные рассказы я слышал не раз; рассказчики так расписывали Баку, такие картины рисовали своим

слушателям, что этим последним впереди рисовался какой-то рай для трудящегося человека, — нечего было и думать разуверить их, что в Баку не все так прекрасно, как расписывают рассказчики и рассказчицы.

В конце концов у слушателей создается известное настроение, в котором мечты и радужные надежды играют первенствующую роль. Впереди им представляются невероятно выгодные предложения, каких нигде в других местах и ожидать нельзя. Это настроение, как нельзя более, на руку сводням, оно уничтожает недоверие к фантастическим предложениям, к которым приходится прибегать сводням, чтобы соблазнить намеченную жертву. Ловля жертв начинается тут же на пристани, при высадке приезжих в Баку. К молодой девушке подходит разряженная барыня и предлагает ей должность.

— Милая, не желаешь ли поступить на должность? — ласково начинает барыня, — ты девушка скромная, я давно такую искала. Ты у меня будешь за родную дочь, я тебе всякое удовольствие предоставлю, ни в чем стеснения не потерпишь, уж останешься довольна! Никакой работы тебе не будет, как только при мне находиться будешь, в роде родной дочери. А жалованье какое хочешь положу.

Как ни дико такое предложение, однако оно не наводит девушку ни на какие сомнения. Ведь ей еще дорогой говорили, что именно так и будет, так что предложение «богатой барыни» является прямым продолжением тех чудодейственных рассказов, какими заслушивалась девушка на пароходе. Она видит, что мечты, навеянные этими рассказами, сбываются, — и принимает предложение барыни. Дальше все так и идет, как говорила барыня. Девушку приводят в «богатый дом» и помещают в хорошенькой комнатке с кокетливым убранством.

— Так, как будто в рай я попала, — рассказывала мне одна несчастная. — Комнатка-игрушечка, вся в кружевах да атласом убрана, ковры, кровать с кисейными занавесками. И во сне я этого никогда не видала.

ТЕХНИКА НАСИЛИЯ

А на другой день в этом доме над нею произвели возмутительное насилие. Рассказ этой девушки у меня записан был тогда же во всех подробностях, так как, по моему мнению, он представляет большую ценность для судебного персонала, которому приходится определять признаки изнасилования. Дело в том, что среди юристов-криминалистов существует небезосновательное убеждение, что изнасилование женщины для одного мужчины фактически невозможно, если женщина не приведена в бессознательное состояние тем или иным способом, или же если она не пошла навстречу желаниям мужчины. Далее установлено, как говорят эти криминалисты, что для изнасилования недостаточно одного пособника, а нужно не менее двух. Все это, пожалуй, верно, если считать изнасилованием только сам момент растления. Больше того, если женщина не приведена в болезненное или бессознательное состояние, и если она находится только вдвоем с мужчиной, то можно наверно сказать, что она отдалась сама, после известной, более или менее долгой борьбы, но отдалась и даже со страстью. И тем не менее, я настаиваю на том, что указанные выше криминалисты ошибаются; один мужчина без всяких пособников может изнасиловать женщину или девушку, если она достигла полной зрелости. Дело в том, что борьба этого рода мужчины с женщиной в конце концов приводит женщину, а в особенности девушку, в такое состояние, как будто ей дали какое-либо сильнодействующее возбуждающее. Я назвал бы это состояние половым аффектом, так как девушка при этом совершенно не владеет собой и отдается, в сущности, бессознательно. Вот как рассказывает об этом та девушка, о которой я говорил выше:

— На другой день по приезде у хозяйки были гости, все молодые люди. Я была тут же с ними, они были такие ласковые, все расспрашивали меня про мою родину, про родных. Пили кофе, один молодой человек влил мне в чашку рюмку ликеру... Тогда я не знала, что это такое, после уже

узнала, что это ликер... Я выпила, он стал упрашивать, чтобы я еще выпила, но мне показалось невкусно с ликером, и я отказалась. За ужином меня упросили выпить два стакана какого-то красного вина, у меня в голове немного затуманилось, и я больше не стала пить, как меня ни упрашивали. После ужина хозяйка сказала, чтобы я шла спать. Я ушла, сейчас же разделась и легла. Тут он и пришел, — и раздетый. Я так и ахнула, а он прямо ко мне. Это был тот самый, который упросил меня выпить кофе с ликером. За ужином он мне нравился: такой любезный, а тут у меня такая злоба поднялась, что я, как только он подошел, со всего размаха ударила его по лицу. А он обнял меня и прижал к себе. Я его бью, за волосы дергаю, кусаю в плечо, а он все обнимает меня да целует и весь горячий такой, как огонь, так и пышет от него... Потом я не знаю, что со мной случилось, как будто этот жар из него в меня вошел, я тоже стала горячая вся, так и палит от меня. Кусаю его, отбиваюсь, царапаюсь, а самой как будто приятно стало и жалко его. И уж не знаю, как это случилось, только кусала, кусала я его да и поцеловала. А потом обняла и прижала к себе.

Поцеловала и даже обняла, а потом и отдалась, и даже со страстью. Этого, при известном взгляде на факт, пожалуй, достаточно, чтобы считать молодого человека «по суду» оправданным, — но разве этот взгляд можно считать правильным? Разве тут не было насилия? Правда, насилие совершалось не в тот момент, который обыкновенно берется для установления факта преступления, но оно было, — минутой раньше, но было... И от этого преступление несколько не умаляется, так как потерпевшая путем насильственной и продолжительной близости с мужчиной была приведена в состояние полового аффекта, когда перестала владеть собой, чем и воспользовался насильник. Господам криминалистам на этот способ изнасилования следовало бы давно обратить внимание. Он весьма распространен. На этот счет не может быть никакого сомнения. Заинтересованный этим случаем, я в течение истекших с тех пор 5 лет произвел более 100 опросов, пользуясь различными случаями. И везде, в Москве, в Батуме, в Омске, в Саратове, в

Самаре, в Киеве, в Петербурге, опрошенные женщины одинаково заявляли, что продолжительная борьба с мужчиной, в особенности если и тот и другая раздеты и соприкасаются почти голым телом, — приводит женщину в состояние полового возбуждения, которое почти невозможно преодолеть.

Насильник, как видите, оказывается уже не один. Женщине приходится преодолевать еще и собственное, вызванное насилием возбуждение.

А между тем, применяющие это насилие остаются безнаказанными, так как следственная власть в таких случаях обыкновенно становится на сторону обвиняемого, и дело идет на прекращение. И это понятно. С одной стороны, существует убеждение, что один мужчина не может изнасиловать, — а с другой, какая-нибудь деревенская девушка именно говорит, что такой-то человек из общества, будучи с ней вдвоем, изнасиловал ее. У следователя весьма естественно является вопрос:

- Как это случилось?
- Сначала кусалась, царапалась, а потом...
- Так значит, ты сама согласилась?
- Нет, я кусалась, царапалась, а он все обнимал...
- Но потом ты сама?
- Да...

Таков получается сухой следственный материал, и таким образом он в огромном большинстве и должен быть, так как простая деревенская девушка, — а это случается в огромном большинстве именно с простыми деревенскими обитательницами, — такая девушка не только не в состоянии передать следователю всех тонкостей своего психического перелома во время насилия, но и сама-то не понимает: что с ней случилось, как она от злобы перешла к страстному увлечению?

Следственный материал, данный самой потерпевшей, дополняется еще обвиняемым.

- Как это случилось?
- Ужинали, потом пили ликер, — презрительно говорит обвиняемый, — ну, и потом пошли в ее комнату.

- Чем же вы объясняете ее жалобу?
- Шантаж, конечно, что же больше?

В конце концов, у обвиняемого все выходит и логично, и согласно с укоренившимся взглядом на насилие. Он был один с девушкой, следовательно, физически не мог изнасиловать. Она пила с ним ликер и сама же сознается, что поцеловала и обняла... Где же тут насилие? Ясное дело, шантаж. И дело идет на прекращение.

Может быть привлечена к ответственности хозяйка «за сводничество», но это неопасно, так как наказание тут пустячное, всего до ста рублей штрафа. А так как ответить приходится из сотни за одну, то наказание это совершенно теряет свое значение. Закон, очень строго охраняющий целомудрие женщин, оказывается на практике бессильным, почти мертвым. Насилие совершается почти каждый день, а кару несет едва ли в год один. Все это чрезвычайно благоприятствует ремеслу сводни, все это дает возможность действовать смело, почти открыто, на широкую ногу. Дом сводни и ее ремесло известны всем любителям, она устраивает аукцион или лотерею на целомудрие, она продает девушку открыто, в шумной компании, за шампанским, со смехом и издевательством над наивностью девушки. Она в безопасности, так как служит богатым, сильным людям, во всех отношениях правоспособным, могущим постоять за себя, а их обвинительницами могут явиться только наивные девушки. Какое же может быть сомнение, на чьей стороне останется победа? Как бы в подтверждение этого мнения, в последнее время в некоторых городах появилась новинка: семейные вечера.

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА*

Как-то, года четыре назад, один мой знакомый показывает мне карточку и говорит:

— Вот, посмотри!

Я взял.

На карточке стояло знакомое мне имя бывшего конторщика, получавшего 40 рублей в месяц. Он уже около двух лет был без дела и без средств к существованию. И вот этот-то человек от своего имени и от имени своей супруги приглашает моего знакомого на «семейный вечер» с картами, с танцами, с шампанским...

— Что это значит?

— А это, брат, интересная вещь! — ответил мне мой приятель. — Вот этот самый господин приехал сюда не то из Греции, не то из Италии, а может быть, и поближе откуда, — только приехал он с непременным и твердым желанием «человеком» сделаться. Сначала он поступил конторщиком, рассчитывая примазаться к какой-нибудь покупке или продаже, — но это ему не удалось, очень уж много желающих у нас на эти дела. Потом он пробовал заняться комиссионерством, но и это ему не понравилось. Комиссионерство у нас занятие выгодное, но требует выдержки и настойчивости, потому что тут все основано на медленном расширении круга клиентов. Да и время для комиссионерства неподходящее — кризис везде мертвую зыбь установил. Вот он и напал на простую мысль. В крупных центрах много маменькиных и папенькиных сынков, которые не прочь бросить сотню рублей, чтобы провести вечер в культурном обществе и в тоже время всяческое удовольствие получить, ни в чем себя не стеснять. Словом, требуется соединение эстетики с полной распушенностью. Обычная покупка любви — это слишком просто, откровенно и не оставляет места никакой иллюзии:

---

* Речь идет об одном из крупных центров юга России. *Авт.*

«Купил любви на столько-то рублей, вступил во владение, хотя бы с злоупотреблением, — что тут интересного, а тем более заманчивого?»

Другое дело, если вы, например, попали на какой-нибудь семейный вечер, познакомились там с интересной дамочкой или девицей, проговорили с ней целый вечер, потом поехали ее провожать и как-то само собой заехали в отдельный кабинет ресторана поужинать. Все ведь это так естественно и дальше простой эксцентричности не заходит — эксцентричности весьма милой, заманчивой, но ни в каком случае не грубо-циничной!

В кабинете, опять-таки, как-то само собой оказывается, что вы как нельзя более дополняете друг друга, понимаете с полуслова и жалеете только, что не встретились раньше.

Словом, завязывается то, что называется интрижкой, — обе стороны чувствуют повышенное биение пульса жизни, обоюднo наслаждаются, наполняют пустоту времени и отделяются от скуки.

Конечно, такая интрижка может завязаться и случайно, но случая нужно ждать, — при том же, он может быть и не быть.

А представьте себе, что есть такое место, «семейный» дом, в котором всегда можно найти десятка два молоденьких дамочек, как нельзя лучше приспособленных к интрижке, милой, блестящей, остроумной, возбуждающей. Это, так сказать, магазин любви, всегда и для всех открытый, блестяще и прилично обставленный и вполне удовлетворяющий современным вкусам. Нужно вам несколько приподнять себя, встряхнуться от сытой, ничем не наполненной жизни, вы приходите в «магазин» и присматриваетесь. Тут есть и истерички, способные расшевелить самого пресыщенного человека, есть и молоденькие, наивные девушки, принимающие каждое слово за правду, каждый предмет, как он есть. Что вам нужно, то и выбирайте, — все сюда пришли за тем же, за чем и вы, все желают того же, только каждый выбирает по своему вкусу. Это не покупка женщины мужчиной, — нет, женщины тут тоже делают выбор по своему вкусу. Но ведь это-то и нужно, это-то и дорого, в этом-то и заключает-

ся разница между «веселым домом» и «семейным домом». Там вы получаете купленную вещь и только, а тут вы знаете, что не только вы выбрали, но и вас предпочли. Словом, тут вполне возможно взаимное увлечение, возможно начало более или менее продолжительной связи с порядочной женщиной, равной вам по уму, образованию и развитию вкусов. Возможна любовь. С другой стороны, женщина находит тут весьма многое, чего она не найдет в другом месте. Возьмите, например, женщину, муж которой получает ограниченное содержание. Жизнь такой женщины — серенькая, монотонная. А она, между тем, чувствует и сознает, что и по красоте и по уму она могла бы занять место в первых рядах общества. Она может увлекать и способна сама увлекаться, а в удел ей дано — усчитывание грошей и расположение серенького человечка, ее мужа. Такая женщина в «семейном доме» найдет все, что ей нужно.

Ведь прежде, чем оценить что-нибудь, мы должны видеть это «что-нибудь». Значит, ей нужно *такое место*, где бы ее могли видеть «ценители». Таким местом и является «семейный дом». Там она может показать себя всем желающим и в свою очередь найти для себя то, что ей *нужно*, то есть, взять не первого встречного, а наиболее подходящего. Требования в данном случае могут быть самые разнообразные, что в свою очередь обеспечивает спрос на всех почти мужчин. Старик может быть избран за его скромность, молодой — за его пыл и свежесть и т. д.

Таков план учредителя «семейного дома». И он рассчитал верно, без ошибки. Дела у него сразу пошли бойко. На вечера являлось самое разнообразное общество. И нужно отдать справедливость учредителю, он умело делал подбор своим гостям. Тут были только тайно вожделеющие, но не скомпрометировавшие себя явной продажной связью. Содержанки, например, на вечера не допускались, но допускались замужние дамы, имеющие богатого друга дома. От мужчин требовалось только, чтобы они были по внешности приличны, поведение их вне стен «семейного дома» не принималось во внимание. На первый взгляд, вечера «семейного дома» ничем не отличались от обыкновенных ве-

черов или балов в буржуазных домах: в зале танцевали, в кабинете хозяина играли в карты, в гостиной и будуаре хозяйки сидели парочки в уютных уголках, — все вели себя прилично, корректно. Но, всмотревшись хорошенько, вы начинаете замечать, что в группировке парочек есть какая-то особенность. Вы видите, что старичок непременно усаживается с юной девицей в ученической форме, перезрелая дама со средствами, в свою очередь, сидит в уголке с юнцом лет 19-20-ти. Далее, около подвижной истерической женщины лет 27-ми сидят трое мужчин лет за сорок, — но вот она взяла одного под руку и ушла в соседнюю комнату. Через полчаса эта пара покидает «вечер». Это значит, что выбор сделан, а продолжение будет уже вне стен «семейного дома». Таким образом в течение вечера покидают дом до десяти пар. Эти пары не возвращаются более или менее продолжительное время, именно до тех пор, пока завязавшаяся «интрижка» не прервется так или иначе. Поэтому хозяин строго следит за уезжающими парами и в передней, прощаясь с кавалером, просит «одолжить» ему известную сумму, смотря по состоянию клиента. Счастливый своей победой клиент обыкновенно с удовольствием исполняет просьбу хозяина. Но в некоторых случаях с такими просьбами хозяин обращается не к кавалеру, а к даме. Это значит, что, собственно, клиентом он считает даму, а кавалер фигурирует уже в роли предмета, на который предъявлен спрос. Как это ни печально, а приходится сознаться, что иногда перезрелые дамы увозят с собой, в качестве «проводящих», учащихся старших классов.

В общем, зимний сезон для «семейного дома» закончился блестяще, предприимчивые супруги скопили порядочный куш и на лето предполагали перенести поле деятельности куда-нибудь на воды.

Там они рассчитывали устраивать прогулки в горы, пикники, танцы на открытом воздухе. Они полагали, что летняя нега и праздность «водяных» обитателей значительно расширит круг их клиентуры. Зимние их вечера посещали, так сказать, с заранее обдуманной намерением, а на водах в круг их клиентов могут попадать и без умысла, от скуки,

случайно или под влиянием «ликующей природы».

План, как видите, и на лето составлен вполне правильно и ничто не мешает его успеху. На Кавказских минеральных водах, да и вообще на курортах нравы и без того легкие, а если туда внести еще некоторую организацию, — то начнется настоящая вакханалия «любви». Таков «семейный дом». Какое влияние и значение он имеет и будет иметь в будущем, полагаем излишне говорить. Скажем только, что он разрушает единственную преграду, которая еще способна удерживать праздное буржуазное общество на пути нравственности. Преграда эта заключалась в необходимости считаться с приличиями, в боязни обнажить перед обществом свои пороки. «Семейный дом», как нельзя лучше, приходит на помощь «вождедеющим», но не дерзающим. Он дает возможность делать выбор, не попадая в такие места, одно появление в которых считается позорным. Учредители «семейного дома» это имеют в виду и стараются, чтобы у них прежде всего было все прилично. На вечере можно только познакомиться, но ни в каком случае не доходить до фамильярности, даже самый легкий флирт не поощряется, хотя и не возбраняется. Такая постановка «дела», с одной стороны, поощряет даже самых робких клиентов, а с другой, гарантирует безопасное существование и самому «семейному дому», ограждая его от вмешательства врачебно полицейского надзора.

После я имел случай убедиться, что такие и подобные «семейные дома» существуют почти во всех крупных городах России. Для сытой и пресыщенной буржуазии это учреждение, очевидно, становится повсеместно необходимым. Комфорт жизни владельцев капитала был бы неполон без этого учреждения.

МУЖ В РОЛИ СВОДНИ

Муж в роли сводни выступает весьма часто и везде, не только по всей России, но и во всем мире, причем продажа жены производится в самых разнообразных формах, просто за деньги, за «протекцию», за повышение по службе и пр. Иногда в этом сама жена идет навстречу желанию мужа, иногда же ее к этому принуждают, хотя последнее бывает исключительно в низших, невежественных слоях общества.

В практике одного «Общества защиты несчастных женщин» известен один случай, когда муж в продолжение 9 лет истязаниями вынуждал у жены согласие на продажу ее желающим. Он даже отдавал ее в аренду одному татарину и правильно получал с арендатора условную плату.

Женщина освободилась от этой ужасной кабалы только на десятый год сожительства; она подала прошение на Высочайшее имя о выдаче ей отдельного вида на жительство, а сама поступила в убежище «Общества защиты несчастных женщин». Но это единичный случай упорного протеста со стороны жены. Как общее же правило — жена или предупреждает желание мужа торговать ею, или же покорно соглашается с мужем. Первое чаще бывает в культурной части общества, второе — в среде мелких служащих и рабочих. По существу, мотивы сводничества и там и тут одинаковы — это в огромном большинстве желание выдвигаться по службе. Разница только в том, что первые более или менее умело прикрывают свои грехи, а вторые действуют открыто, иногда даже советуются с товарищами, как им поступить. В К-ве был например, такой случай. На дворе завода крупнейшей фирмы стоят главный управляющий и недавно поступивший дворовый приказчик; первый отдает какие-то приказания второму. В это время мимо них проходит молоденькая женщина.

— Гм, недурна! — бросил как бы в сторону управляющий. — Откуда такая взялась?

— Это моя жена! — радостно улыбаясь, говорит приказчик.

— Недурна, недурна!

С этими словами управляющий ушел. Приказчик рассказал о «случае» своим товарищам и просил совета: как ему быть? Ответ товарищей был как нельзя более решителен.

— Счастье тебе в рот лезет, а ты спрашиваешь! Веди! Сегодня же после обеда и ве́ди! Материальным назначит.

Получить место материального приказчика — мечта всякого полутрамотного служащего. Тут он имеет возможность нажиться в самых широких размерах. Случается, что материальные приказчики в течение нескольких месяцев скапливают 8-10 тысяч рублей при жаловании в 50-70 руб. в месяц. Пробыть 2-3 года на должности материального приказчика — значит нажить состояние, в особенности, если фирма крупная. Отсюда понятно, какой соблазн представляют из себя слова: «Материальным назначит». И вот муж ведет свою жену к управляющему во время послеобеденного отдыха. Супруги приходят и робко останавливаются в передней. У обоих у них сердце замирает, у обоих один вопрос на уме. Удастся или не удастся? Примет жертву или отвергнет?

— Что вам? — спрашивает лакей.

— Нужно видеть управляющего по интересующему его делу, — отвечает супруг.

Лакей соображает, в чем дело, и докладывает.

Через минуту супруг в спальне управляющего.

— Что тебе?

— Моя супруга вас видеть желает.

— Это та самая, которая давеча по двору шла?

— Они-с самые.

— Ну, пошли ее сюда, а сам там подожди или иди домой.

Супруг идет в переднюю и указывает жене дорогу, а сам остается в соседней комнате.

Две-три минуты ожидания, как вдруг из спальни раздается крик управляющего:

— Вон отсюда, неряха! Вон!

Вечером инцидент обсуждался всеми служащими заво-

да и все ругали приказчика.

— Дурак ты, дурак! Ты должен был сам осмотреть, чтобы было все в аккurate! Не к чернорабочему ведешь!

Приказчик не протестовал и не возражал; он и сам вполне сознавал, что упустил редкостный случай сделать свое счастье. Не менее его сокрушалась и супруга; но ее положение было еще хуже, она должна была выносить упреки мужа и насмешки своих подруг. Осмеивалась, собственно, не попытка продать себя, а то, что эта попытка не удалась.

— Наткнулась! Хорошо принял! Небось, лбом все двери отворила!

Случай этот характерен во всех отношениях.

В нем, как в зеркале, отражаются нравы заводской челяди, непосредственно, стоящей над рабочим. Челядь эта готова исполнить все желания управляющего, и всякое требование с его стороны считает законным, каково бы оно ни было. Каково приходится рабочим от подобных приставников, мы не будем говорить, так как это увело бы нас в сторону от поставленной нами цели.

Само собой разумеется, что не все мужья так предупредительны и не все жены так податливы. Как и во всяком правиле, и тут есть исключения, но довольно редкие. Мне, по крайней мере, таких «исключений» известно только два. В одном случае приказчик не согласился разделить свои супружеские права с бухгалтером, а в другом жена токаря ушла от своего мужа после того, как он вошел в сделку относительно нее с управляющим фабрикой (это было в Т-и). В первом случае — приказчик был уволен от должности, а во втором пробовали вернуть жену к супружеским обязанностям через полицию — но это не удалось.

Был и еще один случай, когда оба супруга возмутились «предложением» управляющего, но тут супруги были люди интеллигентные. Оба они приехали из Петербурга, он поступил бухгалтером на завод (в С-ве), а она практиковала как фельдшерица. Управляющий обратился с своим предложением к жене, но безуспешно. Тогда он стал действовать на мужа, то преследуя его разными придирками, то обещая повышение по службе. Супруги в конце концов так бы-

ли обескуражены, что бросили службу и уехали обратно в Петербург.

Больше я не знаю ни одного случая серьезного недоразумения. Это, конечно, не значит, что подобных недоразумений не бывает. Они есть, но реже случаются в такой среде, как фабричная и заводская администрация, куда, собственно, и направляют свое внимание владельцы капитала.

На этот счет у меня имеется достаточно обширный материал, из которого я воспользуюсь тут указанием на одно обстоятельство.

В один из периодов моей жизни мне пришлось работать в газете, издающейся в крупном промышленном центре. Моим амплуа было — обозрение местной жизни, что всегда вызывает получение писем от обывателей. Таких писем в течение 4 лет я получил не менее 3.000. И в числе 3.000 сообщений было только три, в которых говорилось о недоразумениях между мужем и хозяином, вождем к жене служащего. Можно, конечно, подумать, что явление это вообще редкое и исключительное.

Но я должен сказать, что те же письма дали мне возможность произвести некоторый подсчет.

Так, по поводу вышеописанного случая с приказчиком я написал фельетон.

На другой же день ко мне стали поступать письма, в которых говорилось, что неудача приказчика — явление исключительное, что обыкновенно такие операции с женами как нельзя лучше удаются. В подтверждение этого мнения в каждом письме приводилось несколько фактов, от двух до семи.

В течение 9 дней таких писем мною получено 17, заключающих в себе 69 фактов продажи жен.

Группируя эти факты по роду занятий продавцов и покупателей, мы получим следующую таблицу.

	К у п и л и.							В с ъ.
	Хозяева.	Директора.	Управл.	Помощн. управл.	Бухгалтеры.	Механики.	Мастера.	
Пр о д а л и.								
Управляющие . . .	1	—	—	—	—	—	—	1
Ихъ помощники . .	—	1	2	—	—	—	—	3
Бухгалтеры . . .	1	1	—	—	—	—	—	2
Механики	—	3	6	2	1	—	—	12
Мастера	1	—	8	4	—	—	—	13
Двор. приказч. . .	—	—	10	6	3	—	—	19
Конторщики . . .	—	—	3	—	6	—	—	9
Рабочіе	—	—	2	1	—	3	4	10
Итого	3	5	31	13	10	3	4	69

Таким образом, в качестве продавцов первое место занимают дворовые приказчики, продавшие 19 жен, на втором месте стоят мастера с 13 женами, на 3-м механики — 12 ж., на 4-м рабочие, 10 ж., на 5-м конторщики — 9, на 6-м помощники управляющих — 3, на 7-м — бухгалтеры — 2 и на последнем управляющие — 1.

Купили: управляющие — 31, их помощники — 13, бухгалтеры — 10, директора — 5, мастера — 4, хозяева 3, механики 3.

Эти последние цифры показывают, что на число покупок меньше влияла покупательная способность той или иной категории лиц, чем служебное положение покупателя и зависимость от него продавца.

Управляющие, как непосредственно стоящие у дела, первенствуют, при чем наибольшее число покупок совершают у дворовых приказчиков, как людей, особенно жаждущих движения по службе.

Точно так же, рабочие продают по преимуществу мастерам и механикам, от которых зависит, дать или не дать выгодную отрядную работу.

Продают они и управляющим, и их помощникам, это уже в надежде самим сделаться мастерами.

Словом, на сделки влияют по преимуществу непосредственность и зависимость отношений вступающих в сделку сторон. Мы могли бы, конечно, дать более подробное и детальное объяснение всех цифр, обратившись к первоисточнику, но считаем это неудобным, так как это может повести к обнаружению лиц, о которых идет речь, чего мы отнюдь не желаем. Да это и лишнее, так как побудительные причины продажи, выставленные в письмах, в общем те же, какие получаются путем выводов из комбинации цифр.

Что касается распространенности этого явления, то оно в прямой зависимости от заманчивости тех перспектив, какие сулит судьба продавцу, если он поступится на время своими супружескими правами. Способствует этому также и сам состав населения, имеющий значительную примесь бродячего, ни к чему не приспособленного люда, приезжающего в промышленные центры искать счастья.

ЖАЖДУЩИЕ СЛУЧАЯ

Живет человек где-нибудь в своем месте и не может себя приспособить ни к какому легкому делу.

Ему или ничего не выходит, или же выходит место писца с жалованьем в 12 рублей в месяц. Appetit же у него рассчитан на большие корма, — вот он и едет в ближайший крупный промышленный центр буквально искать счастья. У него нет никакого плана, ни на что определенное он не рассчитывает, а просто едет с мыслью:

— Авось, там мое счастье!

А «счастье» такому человеку только и может выйти лишь в том случае, если будет предъявлен спрос на его совесть. К этому он, в сущности, бессознательно и готовится, перебирая в уме все возможные случаи, какие могут представиться по приезду на место. (Такой тип российского человека, между прочим, прекрасно обрисован у Глеба Успенского.)

— Случай только не нужно упускать! — говорил мне один из таких искателей счастья. — А счастье для каждого человека припасено, только трудно его поймать. Вот я шестой год бьюсь здесь (на одном из уральских заводов), все испробовал, все мышинные норки изрыл, — все ничего не выходит. А вот мой товарищ, — вместе мы с ним приехали, — в первый же год свое счастье нашел...

Так вот, оно само в руки влезло, и не думал и не гадал человек. Дворовым приказчиком поступил, собаку хозяйскую, можно сказать, изображал и уж хотел бросать место, а случай-то тут как раз и подошел. А и дело-то все смеху подобно. Провожает он как-то управителя до ворот, и проходят они мимо окон квартиры этого самого моего приятеля. А у окна-то так, от нечего делать, жена его сидит, молоденькая бабенка.

Управитель ненароком взглянул на нее, а она, как водится, и глаза опустила. А управитель-то, нужно вам сказать, под хмельком немного был, его это самое и задело за живое, он и говорит приказчику: «Двадцать пять рублей те-

бе в зубы, если ты эту самую мне в следующий мой приезд представишь».

— Слушаю, барин! — ответил тот ему.

— Только ты смотри, разузнай хорошенько, как она... чтобы не было чего!

— Не сомневайтесь, барин, я ее хорошо знаю, все будет в порядке.

— Кто она такая?

— Моя законная жена.

Управитель сначала после этого немного смутился, ну, а потом ничего, ему даже понравилось это.

— Молодец! — говорит. — Так и надо, чтобы начистоту было.

А через неделю он уже был матерьяльным приказчиком! — не без зависти продолжал искатель счастья — А матерьяльный приказчик — вам известно, что это такое. Это, можно сказать, все равно, что теленка к молоку припустить, — соси себе, не отваливайся. Каких-нибудь пять лет прошло — у меня ни гроша нет, а у него капиталец тысяч в двадцать имеется. Ежели он теперь с этим капитальцем, да в свое место уедет, так первым человеком будет. Так оно, счастье-то! Его найдешь там, где не ищешь.

Соблазн таких «удач» во многом способствует распространению торговли женами. У всех на глазах какое-нибудь полное ничтожество продает свою достойную супругу и становится заметной величиной, обеспечивает свою будущность и, что называется, выходит в люди. Всякое другое ничтожество с завистью смотрит на скачок товарища и жадно ищет случая сделать то же самое. И случаи эти, если не всем, то многим представляются, каждому в свое время.

Полагаем, нет надобности говорить, что продажа жен практикуется не одной только фабрично-заводской челядью. Всякая челядь, в каком бы ранге она ни состояла, одинаково готова подслужиться своим господам, чем угодно, а женой прежде всего. В этом отношении фабричный двор ничем не отличается хотя бы от двора... бывших французских королев.

СВОДНИ-РОДСТВЕННИКИ

— И от хозяина и от нас ворует, просто ничего не поде-лаешь, измучил совсем, чуть не половину заработка оття-гивает.

— Почему же вы управляющему не пожалуетесь?

— Жаловались, ничего не выходит, не слушает.

Этот разговор происходил у меня с мастеровыми од-ного механического завода, явившимися ко мне, как к со-труднику газеты, с «жалобой» на механика.

Механик этот обшчитывал всячески подчиненных ему мастеровых на отрядных работах, урезывал всячески их за-работок, а сам от конторы получал все полностью. Кроме того, он без стеснения воровал и на материале, обкрады-вая таким образом и фирму. Рабочие жаловались управляю-щему, но тот обещал «расследовать» и оставлял все по-пре-жнему. Причина такого отношения управляющего к факту воровства заключается в том, что он «живет», как заявили мастера, с сестрой механика.

— С самого начала, как только он на завод поступил, по-шло это. А всему причина — сестра, не может управляю-щий против нее слово сказать, так она его в руках держит.

Сестра эта потом вышла замуж за литейщика, который тотчас сделан был мастером на том же заводе. Само собой разумеется, что сношения управляющего с ней не прекра-тились, и на заводе оказалось, вместо одного, два паука, брат и муж владычицы сердца управляющего. Для рядо-вых рабочих такие отношения на заводе сущее несчастье. На мастера или механика, состоящего под покровительст-вом сестры или жены, не найдешь никакой управы; он не-уязвим, на него не действуют никакие жалобы, никакие до-казательства его виновности перед рабочими и даже перед хозяином. Обыкновенно, жалобщики или остаются при старом положении, или даже увольняются с завода и заменяют-ся другими. В конце же концов создается такое положение. Механик или мастер, чтобы избавиться от вечных жалоб, намечает себе несколько фаворитов из рабочих, которым и

отдает все наиболее выгодные отрядные работы на особых, им одним известных условиях. Такие фавориты часто зарабатывают до 20 рублей в день, в то время как остальные их товарищи получают два рубля — 2 р. 50 коп. в день. Само собой разумеется, что часть заработка фаворитов идет патрону. Они же помогают ему скрывать действительное количество материала, употребленного в производство. А иногда эти отношения осложняются. Черпая свою силу из положения своей сестры или жены по отношению к управляющему, мастер в свою очередь пользуется расположением сестры или жены одного из своих фаворитов. Словом, получается гнусная цепь из патронов и фаворитов нескольких степеней, цепь, связанная цементом откровенного разврата. Рабочий продает свою жену мастеру, мастер помогает сближению своей сестры с управляющим, а управляющий не препятствует своей жене дарить ласками хозяина. И наоборот — хозяин покупает женщину у управляющего, управляющий — у мастера, а мастер — у рабочего. Получается крепкая, неразрушимая цепь снизу доверху и сверху до низу, так что лицам, не входящим в эту цепь, приходится уже подчиняться весьма чувствительному давлению или же уходить. Образование этих «цепей» иногда не обходится без драм, в особенности, когда в роли посредника выступает отец с своей родительской властью. Чаще всего, если девушка не разделяет планов отца, драма кончается побегом. Дочь скрывается от своего родителя с любимым человеком. Но это бывает редко. Пряная атмосфера фабричной и заводской жизни так настраивает воображение молодых девушек, что они весьма охотно подчиняются воле отца, попросту не придавая большого значения факту падения.

— Не убудет тебя от этого! — говорит отец.

Дочь соглашается, что ее не убудет, и сделка заключается к обоюдному удовольствию сторон. Продавец-отец упорочивает этим свое положение на службе, а покупатель-начальник освобождается от необходимости принять на себя и нести бремя супружеских обязанностей. Дети от такого соединения весьма редко воспитываются матерями. Этому препятствуют, прежде всего, сами сожители, так как в

детях заключается для них опасность «иска на прокормление» в случае разрыва связи. Поэтому сожитель всегда настаивает, чтобы родившийся ребенок был отдан в приют подкидышей. Нередки случаи вытравления плода и даже умертвления уже родившегося младенца.

Тут у места будет отметить одну черточку буржуазного строя и буржуазной психологии. Владельцы капиталов, создавая таким образом столь благоприятную обстановку для усиленного роста внебрачных рождений, приюты подкидышей тем не менее держат в самых отвратительных условиях: смертность в них ужасная. Нам, например, известен случай, когда в приюте одного города половина детей ослепли.

Таковы, в общих чертах, формы «посредничества». Но мы должны сознаться, что нами далеко не исчерпана эта сторона жизни; действительность и мрачнее и возмутительнее как по силе укоренившегося зла, так и, в особенности, по откровенности поведения посредников всех рангов и положений. Эта язва заполнила все города России и везде процветает одинаково. Север, юг, восток и запад страны в этом отношении ничем не разнятся.

СОДЕРЖАНКИ ПРИ МУЖЕ

Он — молодой человек; она — всего два года назад окончила курс в одном из институтов западного края. Они приехали в чужой для них город ни с чем, но с большими надеждами. Работу по своей специальности он нашел тотчас же. Скромное жалование в 125 р. в месяц сначала показалось им целым богатством. Ведь у них ничего не было, и они только что начали самостоятельную жизнь. Они наняли две весьма маленьких комнатки, в которых едва можно было поместиться даже с их скромным хозяйством. Но эти две комнатки были свои, они в них были полными хозяевами, и этого было достаточно, чтобы они были довольны, почти счастливы. У них была неумелая, грязная кухарка, но они бесконтрольно могли ею распоряжаться, и она казалась им вполне удовлетворительной прислужгой. Она ходила в дешевеньких платьях, но эти платья были приобретены на их собственные деньги, — и они казались ей вполне приличными. К концу месяца не хватило денег, но он говорил, что скоро получит свой заработок, — и это их удовлетворяло, скрашивало нужду, делало ее нечувствительной.

Им было хорошо, они были довольны, весело и бодро встречали утро, спокойно отходили ко сну и почти ничего не желали.

Но это было только первое время, пока не пропала прелесть новизны положения. А потом стало немного скучно, в особенности ей. Она была эффектно красива, той красотой, которая сразу бросается в глаза, заставляет на улице останавливаться прохожих мужчин и во всяком людном месте притягивает массу глаз. Она это знала и чувствовала постоянно, что ею любуются, что она нравится всем.

«Но что же из этого? — вздыхала она. — Я отделена от них непроницаемой стеной бедности, я не могу быть с ними там, где все блеск, где красота находит ценителей и составляет своим обладательницам непрерывную цепь удовольствий».

Что думал он, неизвестно, но через три года они жили в хорошенькой квартирке, которая обходилась им до тысячи рублей в год, они бывали «в обществе», принимали у себя: и вечером, когда он был дома, и утром, когда она оставалась одна. Чаще всех посещал ее по утрам богатый татарин*, — «совсем необразованный, но очень милый человек — и весьма обязательный». На лето она уехала в Кисловодск, где «случайно» оказался и ее знакомый татарин. Они очень мило проводили время, устраивали поездки в горы, пикники; бывали на концертах, на балах, так что она горячо благодарила... мужа, что он доставил ей случай прожить лето в таком очаровательном месте. Муж по-прежнему получал 125 р. в месяц, но она так «применилась теперь к местным условиям жизни», что им хватало денег на вполне «порядочную» жизнь. У них была хорошая квартира, прекрасно обставленная, две прислуги; одевалась она у лучшей портнихи, каждый день бывала в театре, потом ужинала в клубе... И все это так дешево обходилось, что они даже делали сбережения, у них лежало в банке несколько тысяч рублей. Правда, тысяч пока было немного, но она надеялась, что в будущем их будет больше. Ведь если она в три года так научилась экономить, то затем еще больше научится.

Так оно и случилось. Через шесть лет они уже выглядели состоятельными людьми, у них уже было много тысяч, и эти тысячи росли сами собой, от процентов.

— Теперь нам легче! — говорила она. — Нам уже не надо урезывать от жалованья, мы его можем проживать все целиком. Капитал наш растет сам собой от процентов.

Так оно и идет до сих пор, уже больше 10-ти лет, без перемены. Меняются только знакомые «татары». Они вообще как-то сошлись с татарами, в особенности она.

— Право, они очень милые люди! — говорила она. — Добродушные, простые, услужливые, вежливые. С ними как-то легче чувствуешь себя, в них есть что-то непосредственное, детское...

---

* Место действия в одном из восточных городов. Автор.

Татары, в свою очередь, находили в ней массу достоинств и один перед другим старались ей угодить, услужить, вообще завоевать ее внимание.

Муж о татарах ничего не говорит, но, встречая их у себя в квартире, крепко пожимает им руку.

Иногда, впрочем, он спрашивает:

— Ты все еще с Мамед-беком ездешь в клуб ужинать, или с кем другим?

— Ах, нет! Мамед-бек теперь занят и у нас не бывает, — я с Абдул-Керимом теперь ужинаю.

И только. Какое значение он придает этим ужинам и вообще всему поведению жены, нет возможности узнать, так как он вообще человек угрюмый и говорит мало. Может быть, он знает все и сочувствует, а может быть, и знает, но не сочувствует, а только мирится поневоле.

В публике предполагают и то, и другое.

Мы со своей стороны думаем, что муж в данном случае является мучеником большой любви; он не может, конечно, не видеть странности финансовых операций жены, но с одной стороны у него не хватает силы бороться с этим, а с другой — он думает, что деньги его жене дают под видом займов, из простой дружбы.

Хороший знакомый, миллионер, видит, что мы нуждаемся, — что ему стоит какая-нибудь тысяча рублей! Конечно, у него, в зависимости от различных обстоятельств, должны являться сомнения на счет непорочности его жены, — но так как, в сущности, он бессилен, чтобы изменить тот строй жизни, какой ею установлен, то сомнения в свое время затихают, потом вновь разгораются и опять затихают.

Ему можно поставить в вину то, что он мирится с вечными займами жены у знакомых; позволяет ей извлекать выгоду из своего знакомства с богатыми татарами. Но с татарами в этом городе так поступает не одна его жена. Эксплуатация их, как знакомых, обычное явление.

ТАТАРИН ДАЛ

Эмансипированный татарин обыкновенно вращается в такой среде, которая не упускает ни одного случая пожиться на его счет. Обыкновенно, это человек без образования, только что переступивший порог предрассудков своей нации и стремящийся слиться с общечеловеческой семьей, быть «как все». Но круг действительно цивилизованных людей ему недоступен, а потому ему приходится вращаться в среде различных проходимцев, которым как нельзя более на руку его стремление быть среди людей, «в обществе». Для него устраиваются вечера, где он наслаждается беседой с красивыми, всегда остроумными женами авантюристов и платится за это проигрышем в карты. Но и этот проигрыш ему доставляет удовольствие, он дает ему случай выказать свое презрение к деньгам перед его увлекательными собеседницами.

Обыграть — это самый распространенный способ эксплуатации пустившегося в свет татарина, но и другие способы не отвергаются: у него занимают без намерения уплатить, ему дают возможность дарить и пр.

Еще недавно в среде прожигателей жизни этого города вращался один татарин, владелец нефтеносных земель, оцениваемых в несколько миллионов рублей. В каких-нибудь два-три года он буквально раздарил не только все земли, но и земли брата, с которым имение у них было в общем нераздельном владении. Брат потом судом отобрал свою часть у дароприемников. На суде раскрылась безобразная картина обирательства. Добродушного, чрезвычайно наивного человека опутали сетью лести и делали с ним все, что хотели. Не говоря уже о том, что все время он кормил и поил шампанским целую ораву разных проходимцев, — не проходило еще почти ни одной пирушки, чтобы он не сделал кому либо ценного подарка. Сегодня он дарит две десятины нефтеносной земли, стоимостью тысяч в шестьдесят рублей, приставу, удостоившему своим присутствием его компанию; завтра хозяйка дома, в котором он присутст-

только до известной степени, так что для постороннего всегда ясно, где подарки результат простого «флирта», а где они уже являются результатом любовной связи. Но мужу простительно не замечать этой границы или игнорировать ее, в особенности, если он любит жену. Ведь если бы он постарался убедить себя, что жена его порочна и продажна, то ему пришлось бы оставить ее, а на это у него нет силы, — так уж лучше мириться с неизвестным, чем терпеть горькое известное, благо окружающие условия жизни дают возможность объяснить поступки жены в «хорошую» сторону. Был, например, такой случай. Дама из общества получает правильное, по третям года, содержание от богача- татарина, но в то же время изменяет ему с другим; он в этом убеждается и решает наказать ее.

В известный срок она обращается к нему за «получкой», он беспрекословно пишет ей чек на четыре тысячи, но тотчас идет в банк и заявляет, что им потерян чек.

Дама, ничего не подозревая, является с чеком в банк, но ей заявляют, что не могут выдать денег по этому чеку.

— Почему?

— Нам заявлено, что этот чек владельцем его утерян.

— Кто вам заявил?

— Сам он.

— Но он мне сам лично вчера выдал его.

— Ничего не знаем.

Сконфуженная дама ушла, а на другой день об этом говорил весь город. Огласил факт не кто иной, как сам муж дамы. Он рассказывал об этом всем своим знакомым и возмущался:

— Помилуйте! Подарил чек на четыре тысячи, а потом заявил, что потерял! Мы его принимали, как хорошего знакомого, а он над нами насмеялся. Ведь могут подумать Бог знает что!

Сетования этого мужа как нельзя более характерны, в них отражается весь строй общественных сношений. Мужчина подарил женщине 4 тысячи рублей — в этом ничего особенного нет, это в порядке вещей, скрывать поэтому факт дарения нет надобности. Мужу и в голову не приходит, что

«подарок» может вытекать из нечистых сношений его жены с дарящим, — он негодует только, что даритель сыграл с его женой глупый фарс, который может бросить на жену тень подозрения. Ему и в голову не приходит, что нужно иметь какое-нибудь право, чтобы дарить; он полагает, что можно и естественно дарить женщине по 4 тысячи, только как простой знакомой.

Точно так же роль женщины, принимающей 4 тысячи рублей от знакомого, ему нисколько не кажется предосудительной. Словом, на сцену опять выплывает то же «татарин дал», — всем понятное и нисколько не зазорное.

Отчего не поживиться от татарина? Что тут такого?

В отдельных случаях оно часто так и бывает: даст татарин и на этом дело и окончится. Но такой взгляд женщин на татар в результате приводит к тому, что у всякого мало-мальски зажиточного татарина имеется любовница не-татарка — русская, полька, еврейка, немка, реже — грузинка, еще реже — армянки. Объясняется это тем, что грузины и армяне знают точное значение татарских подарков и вовремя принимают меры, — все же остальные, как люди пришлые, с обычаями татар и взглядами на вещи незнакомые, более смело «играют с огнем» и, разумеется, в конце концов обжигаются. Жена, втянутая подарками в роскошь не по средствам, принуждена бывает сдаться, и или оставляет мужа, переходя открыто на содержание татарина, или же ставит мужа в печальное положение совладельца с татаринцом, доставляющим ей усиленные средства к жизни.

Мы остановились на сношениях замужних женщин с татарами, во-первых, потому, что явление это достаточно распространенное, а во-вторых и потому, что продажность женщины тут наиболее явна и доказательна, меньше сомнения в том, что связь основана на корыстных расчетах женщины, а не на влечении по страсти.

Уже само предпочтение такими женщинами татар мужчинам других национальностей объясняется просто тем, что татары щедрее и легче поддаются эксплуатации.

Но это, конечно, не значит, что татары являются иск-

лючительными претендентами, они только первенствуют среди равных и, в сущности, недалеко ушли в этом отношении от христиан. Разница только в том, что у христиан такие связи скрываются более тщательно, но это понятно почему. Татарин, сожительствова с женщиной, в сущности не совершает никакого преступления, ни против религии, ни против обычного права, — и закон религиозный и обычай если не поощряют, то разрешают ему это сожитие и мало отличают его от обыкновенного брачного сожития. Поэтому и скрывать ему такие отношения к женщине нет надобности, ибо он вправе вступить в такие отношения, во всякое время он может даже привести эту женщину к себе в дом, и это будет в порядке вещей.

Христианин же совсем в ином положении — ни религия, ни обычное право не разрешают ему сожительства вне брака, а, напротив, строго воспрещают. Вступив во внебрачную жизнь, он нарушает и обычаи, и религиозные постановления, и попирает право своей жены, словом, делает недозволенное, а поэтому должен скрывать свои поступки. Кроме того, ему понятнее и та опасность, какая грозит его любовнице, если их связь обнаружится; он с молоком матери всосал общепринятый взгляд цивилизованных народов, налагающий на любовника обязанность хранить тайну любовницы, хотя бы она и брала за свою любовь деньги.

Но это несколько не влияет на число внебрачных связей христиан; они так же распространены, как и у татар, только тщательнее скрываются.

ПЕРВЕНСТВО ЖЕНЫ

Но оставим это в стороне. Нам важно определить не это, а само положение «содержанки при муже», а также и степень ее приближения к проституции.

«Содержанки при муже» — это явление прямо противоположное отмеченной нами торговле женами. Как там инициатива, а, следовательно, и вина падает на мужчину (мужа) — так тут виновницей является женщина. Как там физически и нравственно муж давит жену, так тут жена если не физически, то нравственно терзает мужа, стремясь к целям наживы или честолюбия.

Вот, например, муж — человек вполне порядочный, нравственно щепетильный, но слабохарактерный, — любовь к жене захватила его всего. А она всем известная прожигательница жизни, счета ее портнихи посылаются сегодня к одному, завтра к другому, через неделю к третьему покровителю. Муж не может не видеть этого, он чувствует, что и для других поведение его жены не тайна, но не имеет силы даже сказать ей об этом и только старается хоть сколько-нибудь восстановить ее репутацию в глазах других.

— Она легкомысленна, это правда, — говорит он своим друзьям и знакомым, — но если бы вы знали, какая у нее добрая душа! И как она любит меня! Когда я болею, она вся измучается, не спит, не ест, не пьет.

Бедный, жалкий человек! Он старается уверить в непорочности жены часто тех, которые покупали ее, покупали грубо, с предварительным установлением цены: за столько-то!

Эта женщина в особенности типична своей продажностью, а поведение ее характерно. Она вращается в лучшем обществе и в то же время прямо таксируется на бирже разврата, всякий знает, что ее можно купить за столько-то. Все это знают, что называется, взасос рассказывают друг другу о ее похождениях, — но и только, она принята везде, продажностью ее, в сущности, никто ни гнушается. В сущности, даже и разговоры о ней не касаются ее продажности, а от-

мечается главным образом откровенность ее поведения.

Вышла из театра, села с *ним* в коляску и поехала в гостиницу. Могла бы отойти от театра и там где-нибудь сойтись. А то при всех.

В преступление ей ставится только то, что она едет на разврат при всех, — а то, что она, имея мужа и вполне сносное обеспечение, все же торгует собой, — в вину не ставится. Это в порядке вещей, красота женщины вообще продажна, она предмет рынка, как и всякий другой товар. И это потому, что кроме красоты, буржуа известного сорта не ценит в женщине ничего, чисто человеческие достоинства ее не имеют спроса, с ними — «без дел», как говорят биржевики. Женщина, таким образом, вынуждена или остаться вне внимания мужчин, отступить и дать дорогу другим, или же воздействовать на окружающих своей красотой и только красотой. Женщина исключительно сильная, конечно, не подчинится этому режиму и скорее останется одинокой, вне общества, но ведь исключительно сильных, ставящих свое человеческое достоинство выше радостей жизни, немного, они редкость. Рядовая же женщина поневоле идет в уровень со всеми, т. е. помощью красоты добивается успеха в обществе. А так как красота требует рамки, которая требует денег, то и кончается тем, что красота и ее обладательница делаются рыночной ценностью.

Кто тут виноват — женщины ли, подлаживающиеся ко вкусам мужчин, или мужчины, разряженную красивую куклу предпочитают человеку?

ЛЮБОВЬ-ТОВАР

Вероятно, и те, и другие, а еще вернее весь строй жизни, основанный на стремлении к наживе, к успеху с помощью денег. Деньги — и сила и средство приобретения всего, что необходимо для человека, не исключая и потребности любить и быть любимым. Этот взгляд на деньги твердо установился и принимается, как вполне доказанная истина. А поэтому часто такой поклонник денег почти не знает иной любви, кроме купленной, иначе говоря, фальсифицированной. Он покупает женщину и думает, что это и есть любовь, что другой какой-нибудь и не существует совсем. Даже при заключении брака этот взгляд не терпит больших изменений. Мужчина весьма точно учитывает выгоды брака.

«Содержание жены мне будет стоить столько-то (предположим, 1000 р.), да приданое ее даст процентов тоже 1000 руб. Сделка без барыша и убытка,— подождем».

Привыкший к продажной любви, он ни о чем больше не думает; жена ему нужна только, как самка, и в таковом своем качестве никаких преимуществ перед другими не имеет. Красивая невеста и одинаково красивая содержанка сравниваются только по сумме, необходимой на их содержание. На счет невесты ставится даже довольно солидный минус в виде могущих быть от нее, как будущей жены, детей, которых нужно воспитывать. Словом, буржуа тут высказывает свою обычную деловитость, уменья «учесть» все выгоды и невыгоды положения. Это исключительно деловой человек, везде и во всем, кроме «дел» он ничего не признает, на остальное у него нет времени, в том числе и на правильное сношение с женщинами. Случайно он встречается с женщиной или девушкой, видит, что она ему нравится больше других, ему с ней хорошо, лучше, чем с другими, есть что-то в ней, что его привлекает, притягивает. Всякий другой, не столь верный поклонник современного строя, в таких случаях старается продолжать знакомство, войти в душевный мир девушки и или разочароваться или же убедиться, что

любит и любим, и кончить браком. Но у дельца нашего времени этого почти не бывает, он посмотрит на такую де-вушку и отойдет:

«Некогда возиться. Выйдет что или не выйдет, а время потеряешь. Лучше купить».

Даже и то, что называется интрижкой, чрезвычайно у него упрощено. Он начинает свои ухаживания с предложения поужинать, что, собственно, равносильно предложению вступить в любовную связь. Вся процедура, значит, начинается и кончается в один день и даже несколько часов. В случае же отказа ужинать «влюбленный» просто отходит и предлагает то же самое другой:

«Заплатить я готов, а возиться с тобой — слуга покорный!»

И действительно, если встать на известную точку зрения, т. е. ценить в женщине только ее внешнюю оболочку, то нет смысла гнаться за недоступной и тратить на нее время, когда можно скорее удовлетворить свое желание с другой, более доступной.

Ведь оболочка у всех по существу одинакова, разница только в форме, а поэтому не может быть предпочтения одной красивой женщины пред другой красивой же женщиной.

Так оно и бывает, оценивается только и только красота и характер этой красоты. Южане, те же кавказцы, например, отдают предпочтение блондинкам перед брюнетками и уже никакая конкуренция между блондинкой и брюнеткой невозможна. Даже некрасивая блондинка с успехом конкурирует с красивой брюнеткой, хотя бы последняя, кроме красоты, обладала еще всеми совершенствами ума и сердца.

Северяне, напротив, предпочитают брюнеток почти в той же степени.

Просто до чрезвычайности. Выбор по масти, как у сельских хозяев — красный бык всегда ценится двумя-тремя рублями дороже белого или пестрого. Преимущество «серых в яблоках» тоже можно поставить на одну доску с преимуществом блондинок на юге и брюнеток на севере.

Выезд — и любовь! И то и другое подбирается по масти, причем от первого требуется даже больше, чем от второго. Выездные «серые в яблоках» должны быть еще и рысистыми, а для любви требуется только блондинка или только брюнетка, хотя бы умственно и «не рысистая».

Скотство какое-то, а не любовь!

СОДЕРЖАНКИ-ГОРНИЧНЫЕ

На фабриках и заводах управляющие, их помощники и вообще высшие служащие, кроме жалованья, получают еще от хозяина квартиру с отоплением, освещением и обстановкой, и две прислуги. Обычай, несомненно, хороший и зиждится на добрых намерениях со стороны хозяев, — обеспечить служащим вполне удовлетворительное существование: без нужды, спокойно и удобно. Но ведет этот обычай далеко не к хорошим последствиям. Для семейного человека две прислуги не лишние, им хватит дела, но холостой вполне обходится одной, а другой дает особое назначение.

Обыкновенно нанимается кухарка, которая и исполняет все работы и по кухне и по дому. А вместо другой прислуги берется молодая девушка, на которой никаких работ не лежит, она никогда ничего не делает и вечно сидит: на юге на балконе, а на севере на крыльчке и «грызет» семечки. За это она получает 15 рублей в месяц и стол. Таких должностей по России сотни и тысячи, и все занимающие их девушки кончают печально, это резерв проституции.

Живет такая девушка два-три года на хороших хлебах, в полнейшей праздности, в постоянном созерцании беспечального жития представителей капитала, приобретает известный взгляд на труд и трудящегося, полупрезрительный, полуснисходительный, — и вдруг приходит конец ее беспечальному существованию, ей говорят: собирай свои пожитки и уходи!

— Куда?

— Куда знаешь.

Но ей, собственно, некуда идти, для нее все дороги закрыты, кроме одной, на которой гибнет безвозвратно человеческая личность.

— Куда я пойду? — с отчаянием спрашивала меня одна из таких бывших «горничных». — Я к нему поступила 17-ти лет, ничего не умела делать и у него не выучилась, он не позволял мне работать по дому, говорил: «руки грубеют»,

— теперь мне 20 лет, и я ни шить, ни сварить не умею... да еще ребенок на руках.

Собственно, возможность появления ребенка и служит причиной отказа от «места».

В последнее время самосознание трудящегося населения сильно поднялось, а вместе с тем увеличилось и число случаев отстаивания своих прав в суде. Раньше, например, за увечья на фабриках и заводах хозяева платили в меру своей доброты, т. е. или ничего, если хозяин не добрый, или же какие-нибудь пустяки, сто-двести рублей. Теперь каждый знает почти точно, сколько он получит, если обратится в суд, а поэтому «доброта», как единственная мерка вознаграждения, практикуется только при расплате с темными чернорабочими. Остальные сами назначают сумму, и, если соглашение не состоится, то обращаются в суд. То же самое можно сказать и относительно девушек и женщин, приживших вне брака ребенка. Они требуют «на прокормление ребенка» и тоже, если соглашение не состоится, возбуждают иски.

Вот это-то опасение иска со стороны «горничной» и заставляет их хозяев отказывать им от места, как только появятся первые признаки возможности появления ребенка. Юридически это увольнение не имеет никакого значения, так как не лишает уволенную права обратиться в суд. Но практически это имеет огромное значение. Дело в том, что возбудить иск по закону можно только после рождения ребенка, — а увольняется будущая мать и истица месяцев за 6-5 до родов. Этот перерыв в 5-6 месяцев уже сам по себе имеет большое значение, так как отдаляет преступление от начала следствия, что всегда выгодно преступнику. За это время потерпевшая может потерять из виду часть свидетелей сожителства, бывший ее сожитель может даже удалить их, уволив с завода или фабрики и вообще принять все меры к сокрытию следов преступления. Таким образом, доказать сожителство становится невозможным совсем, а в лучшем случае исход является сомнительным, а следовательно, рискованным, так как господа сожители, в случаях оправдания, не упускают случая, чтобы возбудить против

истицы уголовное преследование за клевету и шантаж.

Но такой исход «дела», собственно, бывает редко, его можно считать исключением. Обыкновенно же уволенная сожительница-горничная не возбуждает иска, хотя бы и желала. Шестимесячный промежуток между увольнением и моментом возбуждения иска приводит к тому, что она впадает в нужду, почти нищенствует, ожидая появления ребенка.

А нищета уже сама по себе большое препятствие для защиты своих прав, — а тут еще в перспективе представляется рождение ребенка, его кормление и пр. Прижатая, истерзанная нуждой девушка не выдерживает и решается на один из трех шагов, одинаково губительных для нее и как нельзя более выгодных для ее противника. Первый шаг — это вытравливание плода, явление самое распространенное и общепринятое, даже не одними сожительствующими вне брака. Огромное большинство прибегают именно к этому, чем и освобождают своего бывшего сожителя от каких бы то ни было обязательств: нет ребенка, не может быть и речи об иске. Второй шаг — это подкидывание ребенка, часто отцу. Тут играет роль не только нужда, но и желание отомстить хотя чем-нибудь. Часто при младенце находят записки более или менее едкого содержания, вроде: «Возьми свое порождение, аспид» и пр. Но месть обыкновенно не достигает цели. Получив ребенка с посланием матери, отец записку рвет, а ребенка отправляет в приют для подкидышей. На этом все и кончается. Вместо того, чтобы отомстить оскорбителю, девушка, посылая ему ребенка, тем самым уведомляет его, что всякая опасность для него миновала.

Нужно при этом сказать, что часто, когда девушка еще не надоела своему обладателю, он не увольняет ее, но под условием, что она согласится вытравить плод или же отдаст родившегося ребенка в приют подкидышей. И, к сожалению приходится сознаться, что большинство соглашаются на один из этих способов отделаться от ребенка. Вытравливание плода, как уже сказано, практикуется вообще в широких размерах. Для этого не обращаются даже к специа-

листам — «способ» известен всем женщинам. Акушерка или врач призываются уже после того, как выкидыш произведен. Может быть, отчасти благодаря этому рождаемость в некоторых городах ниже смертности, — хотя, конечно, главным образом это зависит от ежегодного прилива пришлых бессемейных людей. Но одно это обстоятельство никоим образом не могло бы произвести такой разницы между числом рождающихся и умирающих. Тогда пришлось бы допустить, что все бессемейные или, по меньшей мере, большинство ведут вполне целомудренную жизнь, в полном отчуждении от женщины. Но на таком предположении никто не остановится ни на минуту; мы страдаем как раз обратным, чрезвычайным стремлением к внебрачным сношениям. А если это так, то преобладание в населении бессемейных людей почти теряет свое значение. Природа не знает различия между сношениями с «законной» женой и сношениями с горничной, бонной, швеей и пр. В результате этих сношений и в том и в другом случае должно быть зачатие, а следовательно, и рождение, но рождений нет или, по крайней мере, они не достигают той нормы, какой должны бы достигнуть, следовательно, есть что-то, что понижает эту норму. И мы считаем себя вправе сказать, что вытравление плода, а также и предупреждение зачатий играет тут значительную роль. И вина в этом падает всецело на мужчин; они одни должны быть признаны убийцами зарождающейся жизни. Они не желают нести бремени отцов своих детей и говорят своим сожительницам:

— Или убей, или иди и умирай с голоду на улице вместе с *твоим* отпрыском.

Именно так и говорят: с *твоим*, — и забывают, что «отпрыски» в то же время и *свои*. Таково отношение к собственному потомству! Оно ничуть не лучше убийства слабых детей древними народами и даже хуже. Там было хотя кое-какое оправдание: суровые времена исключали возможность прокормления инвалидов. А тут! Где оно, это оправдание? Одинокий человек, часто зарабатывающий 5-10 и даже более тысяч рублей в год, говорит своей любовнице:

— Убей нашего ребенка! Он нам не нужен!

Кошка принесла шестерых котят, и хозяин говорит:

— Оставьте одного, а остальных пять утопите!

Человек с живой еще душой и против этого последнего возмущается, а детей, например, такое распоряжение приводит в ужас.

А на убийство значительной части поколения людей мы смотрим равнодушно, как будто это так и должно быть, как будто человек в утробе матери не такой же человек, как все прочие.

— Это только «плод».

Характерное словечко, выхваченное из научного лексикона приверженцами буржуазного комфорта. Если назвать просто человеком или младенцем, то придется говорить об убийстве человека, младенца. А это вызывает известные представления о слабом беспомощном существе, медленно, в страшных мучениях умирающем от действия «яда» в утробе матери. Картина не из приятных и может расстроить нервы нежным родителям, убивающим свое дитя, может испортить расположение духа, прогнать сон, аппетит. А это все такие вещи, которыми, собственно, и исчерпывается весь интерес к жизни сытого человека, без них он не понимает жизни и за них гнетет и давит все вокруг себя.

Другое дело — *плод*! Тут ничего страшного нет.

Плод — это груша, яблоко, персик, «картошка»; арбуз, дыня, слива! Лежит «картошка» в мешке и начинает гнить, ее берут и выбрасывают, чтобы от нее не загнили и другие.

Ничего трагического нет, самая обыкновенная вещь, так и должно быть. Из остальных «картошек» все же выйдет весьма вкусное пюре, которое можно съесть, запить старым вином и... поцеловаться с сожительницей, чтобы создать настроение, нужное для производства новых, подлежащих уничтожению «плодов». Недаром апологеты буржуазного величия постоянно твердят о том, что они представители ума и знаний. Умны, действительно, но и бессердечны до бесконечности.

Я извиняюсь пред читателем за это отступление и маленькое увлечение. В мои задачи не входит метать громы по чьему бы то ни было адресу, я хочу только представить

на суд публики факты, и пусть кто-нибудь другой делает оценку этих фактов. От этого изложение делается сухим, может быть, малоинтересным, но зато таким образом мне, может быть, удастся избежать упреков в преувеличенной оценке фактов.

Надежда моя основывается на том, что я говорю по возможности только о фактах общеизвестных, в существовании которых едва ли есть возможность сомневаться.

Покончив на этом с вытравливанием и подкидыванием, мы обращаемся к третьему шагу, на который принуждена решиться «горничная», уволенная своим сожителем за беременность.

Этот третий шаг заключается в мировой сделке. Доведенная до крайней нужды и не видя никакого исхода, она приходит к своему бывшему сожителю и молит дать ей хоть что-нибудь:

— Не дайте хоть с голоду умереть!..

Ей сначала говорят (через новую «прислугу»), чтобы она пришла «завтра», а назавтра объявляют — дома нет, потом — занят... И так до тех пор, пока уже не остается никакого сомнения, что просительница не будет «заноситься» и с благодарностью и смиренно примет всякие условия. После этого ей выдается какой-нибудь пустяк и отбирается подписка приблизительно такого содержания:

«Я, такая-то, служила у такого-то и уволена им за сношения с посторонними мужчинами, отчего я и заберемене-ла. За свою службу от такого то я все получила сполна и никаких претензий к нему не имею и иметь не буду».

Таким образом, девушка подписывает клевету на себя. Но не думайте, читатель, что клевета эта включается в подписку ради издевательства. Нет, она необходима для ограждения интересов противной стороны, иначе подписка не имеет никакого значения. Закон признает право на часть средств сожителя за ребенком, а не за его матерью. И если бы в подписке было сказано, что такой-то уплатил своей сожительнице, скажем, 100 рублей на прокормление прижитого с ним ребенка, причем она больше никаких претензий иметь не должна, — такая подписка не имела бы зна-

чения, так как не исключает возможности иска со стороны ребенка и его законных покровителей и опекунов.

Поэтому нужно в подписку включать клевету на мать, чтобы избавить себя от претензий дитяти. И эта клевета подписывается матерью беспрекословно. Нужда заставляет ее забыть все ради каких-нибудь ста рублей. Эти сто рублей необходимы ей, чтобы завтра не умереть с голоду.

Что будет потом, дальше, — она не думает, не может думать, так как настоящее безвыходное положение заслоняет от нее будущее. А будущее разное бывает, но всегда печальное и мрачное.

СОДЕРЖАНКИ

Между содержанками собственно и одиночками-проститутками нельзя провести более или менее определенной черты, если не брать так называемых дам полусвета, которых мы не касаемся, т. к. жизнь этой категории продажных женщин достаточно исчерпана и крупными и мелкими талантами.

А исключив эту категорию проституток, приходится сказать, что остальные содержанки не выходят из черного тела, в огромном большинстве они даже не в состоянии освободиться от врачебно-полицейского надзора и, находясь на содержании у одного лица, официально числятся проститутками. Да и в действительности большинство из них не перестает заниматься проституцией, «прирабатывать» к той сумме, которая получается от покровителя.

Явление это, по нашему мнению, объясняется все тем же «упрощенным» взглядом на женщину, о котором мы говорили выше. Женщина нужна только как самка, как субъект противоположного пола. На такое дополнение своего я, конечно, не стоит разоряться, для этого годится каждая женщина, не страдающая каким-либо уродством необходимых органов. Отсюда и установились известные отношения к содержанкам не как к любовницам, а как к своего рода «работницам» или прислуге, на которую возложены специальные обязанности. В сущности, содержанка занимает то же положение, что и горничная-сожительница, — разница только в том, что первая живет в доме своего «господина», а вторая — на отдельной квартире. Но эта разница в полной зависимости от семейного положения покровителя. Холостой и живущий на отдельной квартире — содержит горничную, а женатый или живущий в семье — имеет содержанку.

Но и к горничной, и к содержанке отношения одинаковы, — и в том, и в другом случае это «рабочая сила», хотя и специальная. А при покупке рабочей силы буржуа всегда и везде неизменен, для него это товар, который нужно ку-

пить как можно дешевле. Для достижения этой цели, как известно, существует один способ — заставить носителя «рабочей силы» сократить свои потребности до минимума, а если возможно, то расходы по удовлетворению и этих сокращенных потребностей оплачивать не вполне. Для этого «содержанке» нанимается отдельная комнатка, весьма неказистая, и дается рублей десять на прокормление и на туалеты. На эти деньги, в сущности, можно только не умереть с голоду, но сытым и одетым нельзя быть. А поэтому «содержанке» приходится «прирабатывать» на стороне, — она тайно от своего покровителя принимает к себе мужчин или же «гуляет» по панели. Словом, получается что-то вроде известной «потогонной системы». Человек, в сущности, продает себя, но обеспечения своего существования не получает и, благодаря этому, попадает в невозможные условия. Получаемых от «покровителя» средств не хватает на жизнь, а прирабатывать на стороне — значит нарушать его права единственного владельца, за которые он держится весьма стойко по многим причинам.

Во-первых, «прирабатывая», содержанка уже оскорбляет его как собственника, к чему буржуа, а в особенности мелкие, весьма чувствительны. Во-вторых, он охраняет свое здоровье, так как содержанка может заразиться и заразить потом его самого.

Ввиду этого, надзор за ней очень строгий, и, в случае «измены» с ее стороны, расправа бывает жестокая: покровитель кулаками старается доказать и вбить в содержанку сознание ненарушимости его прав.

— В месяц раз десять отколотит, — рассказывала мне одна девушка, бывшая на содержании около года. — Никак не ухоронишься: или хозяйка (квартирная) скажет, или городской, а то дворник.

Таким образом, девушка-содержанка была бита каждые три дня один раз, а в течение года около ста двадцати раз. Расходовал на нее покровитель 20 рублей в месяц: 10 рублей платил за комнату и 10 рублей давал ей. Двести сорок рублей в год и сто двадцать побоев, всегда очень чув-

ствительных. Если считать по 2 рубля за каждые побои, и тогда ласки ее приходились покровителю даром.

— Уж очень не хотелось в «дом» идти, потому и терпела, — объясняет она.

Но в конце концов, все же не вытерпела и переселилась в «дом».

— Он бьет, а на улице городовые пристают: желтый билет, говорят, возьми, а то в участок.

А она, собственно, потому только и терпела побои и всякие издевательства сожителя, что не хотела брать страшный для всякой женщины «желтый билет». Взять этот билет значит потерять возможность возврата к «хорошей» жизни.

И этим страхом «покровители» также не стесняются пользоваться. Кроме кулачного воздействия, они еще грозят донести полиции и «похлопотать», чтобы «непокорной» выдали «билет».

Из страха пред этим билетом одна девушка, совершенно случайно попавшая на содержание, высидела около 9 месяцев буквально в одиночном заключении. Приехала она в незнакомый ей город в надежде поступить в бонны, но попала в неудобное время, летом, когда буржуа разъезжаются по дачам, — и никакой работы не нашла, прожила все, что имела, и начала голодать. В это время подвернулся «добрый человек» и взял ее на содержание.

Первое время все шло хорошо, но затем испортилось. Двор, где она жила, был большой, с массой жильцов, все больше нахлебников, одиноких, молодых. Всякий раз, когда девушка выходила на крылечко из комнатки, отовсюду сыпались приветствия, шутки, нескромности. Покровитель заметил это и стал ревновать, хотя сама девушка никакого повода к ревности не подавала.

Она была из бедной чиновничьей семьи и страшно боялась скандала: «Как бы не дошло до родных», — но покровитель ничего этого не соображал и старался всячески оградить от посягателей свою собственность. Так, он сначала подкупил хозяйку и дворника, но когда они неизменно заявляли, что барышня воды не замутит, — не верил, подо-

зревал, что она из доходов от посторонних обожателей подкупает своих надзирателей:

— Она вам больше дает, вы и покрываете ее.

Наконец, чтобы быть вполне уверенным, он в одно утро, уходя на службу, запер ее на замок. Девушка возмутилась, протестовала, заявила даже, что не желает больше с ним жить, но он пригрозил ей, что сейчас же пойдет в полицию и заявит, что она проститутка.

Угроза эта так подействовала на нее, что она с этих пор уже не решалась протестовать и подчинялась всем его распоряжениям. А распоряжения были такого рода. С вечера он приносит ей провизию, из которой она на следующий день и готовит себе на керосинке обед, сидя под замком. Дверь не запиралась только в его присутствии; в это только время ей позволялось походить по двору, постоять на крылечке. Иногда, впрочем, он водил ее в городской сад, в театр, в цирк, — но очень редко, за все девять месяцев 7 или 8 раз.

Окончилось это «заклучение» только благодаря соседям, жильцам того же двора. Они сначала потешались этой «историей», издевались над «тюремщиком», встречали его криком, уханьем, насмешками, всякими мистификациями, вроде заявлений о побеге «птички» и пр., — а потом стали возмущаться и, наконец, потребовали весьма решительно, чтобы он прекратил «свое тиранство».

Девушка эта уехала из города при первой же возможности.

Конечно, это единичный случай, не все так ревниво охраняют свою «собственность». Но взгляд на содержание, как на собственность, общий, все решительно принимают меры к охране своих прав, никто не полагается на расположение сожительствующей с ним девушки и не старается привязать ее к себе, это слишком непрочное, а главное, не согласное с общепринятым взглядом на «рабочую силу». Живая рабочая сила, какова бы она ни была, по мнению буржуа, требует за собой прежде всего надзора и надзора. Им и в голову не приходит, что главная причина «измен» лежит не в легкомыслии или развращенности содержанок, а в не-

обходимости пополнить свой бюджет посторонним заработком. Да и сам режим нельзя сказать, чтобы не способствовал возникновению желания «изменить». «Содержатель» обыкновенно требует чтобы девушка сидела дома и никого к себе не принимала. Создается нечто вроде тюремной жизни, настраивающей девушку далеко не в пользу своего покровителя. Вечно праздная и наедине с самой собой, она не может не пожелать, хотя на час, поразнообразить свою жизнь и, конечно, бросается на первую подвернувшуюся интрижку, хотя бы и не нуждалась в деньгах.

Но покровители этого не понимают; они рассматривают факты с другой стороны и приходят к противоположным выводам: «Все равно, мало даешь — из-за денег “таскается”, много даешь — с жиру бесится».

В результате получается нечто безобразное и неестественное. Люди, в сущности, ничем не связаны, сожительство по добровольному согласию, а между тем, без скандала не обходится почти ни одного дня: брань и вообще словесные перепалки обязательны ежедневно, а драки один-два раза в неделю. Такое «сожительство» повело даже к тому, что квартирохозяева неохотно пускают содержанок и всегда набавляют цену на комнату, вперед зная, что придется считаться с бранью и с потасовками.

Только сравнительно немногие устраивают жизнь своих содержанок сносно.

Масса же, в особенности мелкие буржуа, относятся к своим «дамам сердца» именно так, как описано выше. Благодаря этому, между домами терпимости и кадрами содержанок существует живая связь. Выйдет девушка из «дома» на содержание, поживет немного и опять возвращается. Или же попадет девушка на содержание, поживет, пока есть терпение, а потом, смотришь, она или в «одиночки» записалась, или же поступила в дом. Так что сегодня она одиночка, завтра содержанка, послезавтра — пансионерка «дома».

ОДИНОЧКИ

Жизнь одиночки, пожалуй, несколько сноснее, меньше зависимости, — но зато и менее обеспечена.

В особенности тяжелым бременем ложится на одиночку расход на квартиру и плата доктору за освидетельствование. За квартиру с хлебами с проститутки меньше 30 рублей не возьмут. Эту сумму нужно платить единовременно и за месяц вперед, что уже одно чрезвычайно тягостно, так как заработок получается поденно (повизитно), так что на квартиру нужно копить. Но кроме этого, освидетельствование производится два раза в неделю и каждый раз доктору нужно платить в некоторых городах до 5 р. за каждое освидетельствование, что тоже составит крупный расход. Прибавьте к этому расходы на туалет и на «особую чистоту» и окажется, что нужно заработать чуть ли не 100 рублей в месяц, или не менее трех рублей в день. Дурная погода, летний разъезд, театральная новинка, — часто прерывают заработок на несколько дней и этого достаточно, чтобы расстроить все расчеты одиночки. Пришел понедельник, нужно идти к доктору, а денег нет. На другой, на третий день она уже в участке, а оттуда волей-неволей должна поступать в дом, откуда она уже не скоро вырвется, так как тотчас закабалется долгом.

К числу одиночек нужно отнести также и так называемые тайные притоны, самое вредное учреждение по своей организации. Эти притоны обыкновенно содержатся сомнительными личностями, которым никак уже не удастся получить разрешение на открытие «дома»; чтобы обойти закон, они снимают квартиру с массой отдельных комнат и набирают впавших в нужду одиночек под видом нахлебниц. Таким образом, они снимают с себя всякую ответственность. Их пансионерки в полиции числятся, как одиночки, и отвечают за себя сами. Содержатель притона ни за что не отвечает, он только квартирохозяин, не больше.

В действительности отношения его к пансионеркам ничем не разнятся от отношений в «официальных» домах. Он

так же получает деньги с гостей, продает им напитки, следит за порядком, назначает ту или иную девушку к «гостю» и вообще ведет все дело.

Обращение с девушками в этих притонах самое возмутительное, их бьют плетью за малейшую провинность или даже совсем без вины, только потому, что содержатель притона не в духе или «с похмелья». А жаловаться некому, так как никаких регламентированных отношений девушки к содержателю дома нет, она только квартирантка и, как таковая, должна искать свою обиду в суде, чего, кажется, еще не бывало за все время существования проституции.

МАЛОЛЕТНИЕ В ПРИТОНАХ

Такое безответственное положение содержателя тайного притона дает ему возможность не соблюдать законов о малолетних: он ведь только сдает комнату, не больше.

Из практики одного «Общества защиты несчастных женщин» известен такой случай. К обществу обратилась за покровительством из больницы девочка 15 лет. В больнице она числилась, как поступившая из дома терпимости, где она прожила до поступления в больницу около года. Значит, в дом она поступила всего 14 лет, что законом не позволяет. В «обществе» возник вопрос о привлечении содержателей дома к уголовной ответственности. Но, когда навели справки в полиции, то оказалось, что она «одиночка» и жила не в доме терпимости, а в «пансионе» для одиночек. «Пансион» же этот не что иное, как тайный притон, содержащий весьма темной личностью. Малолетние в таких притонах не редкость, но все они числятся одиночками и, таким образом, избавляют своего хозяина от всякой ответственности, о чем сами и не подозревают. Напротив, все они думают, что между ними и хозяином существуют обязательные отношения, что они должны «слушаться» его во всем, — и, конечно, слушаются, в противном случае их приводят к повиновению плетью. В существовании этих обязательных отношений они не сомневаются не только потому, что их в этом уверяет сам «хозяин», но и, главным образом, потому, что притон посещается агентами полиции, которые со всеми требованиями и распоряжениями обращаются к «хозяину», а не к каждой жиличке в отдельности.

Не редкость в этих же притонах и грабежи и даже убийства посетителей. Жертву обыкновенно спаивают каким-либо снотворным, обирают дочиста, а затем выносят на улицу, куда-нибудь в пустой переулок. Очнувшись, ограбленный часто даже не может припомнить, где и в каком именно притоне он был. Впрочем, если бы даже и указал, так и тогда из этого едва ли что-либо вышло бы. Нужно доказать факт грабежа, а это весьма трудно, в особенности, когда

сочувствие агентов полиции не на стороне пострадавшего. Вообще, жалоб этого рода в полицейские участки приносятся очень много, а до суда эти жалобы почти никогда не доходят.

НОМЕРА ДЛЯ ПРИЕЗЖАЮЩИХ

Такую же роль по отношению к одиночкам играют многие «номера для приезжающих». Часть этих «номеров» буквально не знает иногородних приезжих и живет исключительно отдачей комнат одиночкам на одну ночь. Разница только в том, что в притоне женщины тут же живут, а «номера» каждый раз посылают за ними, если является желающий. Но раз одиночка в стенах «номеров», она становится в то же положение, как и в притоне. Часть полученной платы (половину) она отдает хозяину, на нее возлагается обязанность требовать с «гостя» как можно больше напитков и пр. Она избавлена тут только от дисциплинарных взысканий со стороны хозяина, но зато и хозяин не несет по отношению к ней никаких обязанностей. Он дает ей помещение за плату, которая взыскивается с «гостя», получает половину ее заработка, барыши с потребленных напитков и затем не входит в ее положение ни относительно жилища, пищи, одежды, ни относительно ее обязательств перед врачебно-полицейским надзором. В случае надобности, он только хранит тайну ее посещений «номеров». Это бывает относительно содержанок и замужних женщин, если последние еще не попали в списки проституток. Нужно сказать, что таких женщин в «номерах» бывает немало; это обыкновенно жены мелких служащих и рабочих, чаще практикующие днем, когда муж на работе. В сущности, это начинающие проститутки, так как в конце концов они оставляют мужа и окончательно предаются позорному ремеслу. Их соблазняет возможность легкого и значительного для них заработка. Соблазн усиливается еще и потому, что начинать им приходится при особенно выгодных условиях. Заработок мужа дает им все предметы первой необходимости, а заработок в «номерах» целиком идет «на булавки» и вообще на пополнение хозяйственного бюджета. В глазах мужа это пополнение и обилие «булавок» объясняются экономией в хозяйстве. Прием избитый, всем известный, однако он удается, мужа верят ему и остаются очень довольны своими эко-

номными и хозяйственными женами, пока какая-нибудь случайность не раскрывает им глаза.

На счет этих же номеров нужно отнести и развращение девушек, живущих в семье, при родителях. Это, пожалуй, самая вредная сторона существования «номеров». Нередко туда попадают даже учащиеся девушки. В этом, впрочем, не без вины и некоторые учебные заведения, развивающие в своих ученицах стремление к франтовству и вообще к роскоши. Бедная девушка чувствует себя очень плохо в среде своих товарок, щеголяющих костюмами; эти товарки прямо фыркают на поношенный костюм подруги из бедной семьи. Конечно, девушка с твердым характером и правильным взглядом на вещи просто игнорирует это фырканье, — но ведь твердых характеров немного, а «правильные взгляды» должны бы развиваться учебным персоналом, но не развиваются. Приходится наблюдать нередко совершенно обратное: одна воспитательница проповедует высокое значение патентованных корсетов, тонких талий и грациозных поз, другой воспитатель прямо читает лекции о способах покорения мужских сердец. «Наука» эта иногда разработана весьма подробно и основательно. Мы знаем одного педагога, который преподавал, что девушка с короткой талией должна предпочитать кофточки из материи с продольными полосами, и наоборот, девушка с длинной талией должна шить кофточку из материи с поперечными полосами. Темная одноцветная материя скрадывает полноту талии, а светлая скрадывает излишнюю сухость стана. Желаящая успеха в обществе вырабатывает свои приемы перед зеркалом. Предусмотрены даже такие мелочи: «Когда девушка сходит с лестницы, она не должна подбирать и вообще поддерживать юбку, а должна свободно распустить по ступеням: это скрадывает вообще неизящное движение ног при хождении по лестницам».

Этот господин науку покорения сердец считает главной и самонужнейшей для девушки. А так как он стоял во главе учебного заведения, то понятно, какой дух царил среди его учениц. Успех среди мужчин, вот главная цель! Но для успеха мало одного знания науки «покорения сердец», нуж-

ны еще средства, чтобы иметь подходящие туалеты, а вместе с тем и возможность бывать в обществе.

Вот это-то и толкает учениц из бедных семей на печальный путь. Жажда успеха, стремление быть не хуже других сталкивает их на самую последнюю ступеньку человеческой нравственности, заставляет их торговать собой еще на школьной скамье. Учебное начальство должно бы вести энергичную борьбу против этого зла, оно должно бы неустанно, при всяком удобном случае толковать, что достоинство человека не в туалетах, не в манерах, не в изяществе фигуры, а в чистоте нравственной его природы, в той сумме пользы, которую он приносит обществу, в силе его гражданского мужества и пр.

Тогда обладательницы поношенных, «неизящных» костюмов не чувствовали бы себя преступницами в среде своих богатых расфранченных подруг и не прибегали бы к таким печальным средствам, чтобы сравняться «со всеми». Но, к сожалению, этого нет и с грустью приходится отметить, что проституция, как ремесло, пустила свои ядовитые ростки даже там, где ей не должно бы быть места.

КОНДИТЕРСКИЕ

Немаловажную роль в этом отношении играют некоторые из кондитерских. Они служат местом свиданий между учащимися девушками и различными прожигателями жизни, причем содержатели кондитерских являются очень ревностными пособниками для любителей свежей юности. Обстановка для этого в кондитерских самая подходящая. Принимая угощение от «кавалера» в виде кофе или шоколада, девушка создает уже некоторую близость между ним и собой, а подлитый в кофе ликер доканчивает остальное, устранивает последние колебания юной «покорительницы сердец». Но на этом роль кондитерских еще не кончается. Развращая учащихся девушек, они не оставляют в стороне и учащуюся молодежь мужского пола. Любители неестественного разврата тут же находят учащихся мальчиков, готовых удовлетворить их желания. А так как в наше время и этот порок очень развит, то продающих себя учащихся мальчиков наберется немало. А на востоке они конкурируют с девочками. Они практикуют не только в кондитерских, но и в молочных, где сходятся по вечерам с своими клиентами.

Причина — дух, царящий в учебных заведениях. Верховодят в этом отношении дети богатых родителей, проходящие курс с репетиторами и посвящающие свои вечера кутежам и различным похождениям. За ними тянутся менее состоятельные и совсем несостоятельные, — последним-то и приходится добывать деньги позорным ремеслом, хотя в отдельных случаях попадают на эту дорогу и богатые. Так, одному мальчику, сыну очень состоятельных родителей, не отпускалось карманных денег совсем. Кутящие товарищи постоянно упрекали его в скупости:

— Такой богач, а никогда не угостишь, всегда на чужое стараешься.

И он стал «угощать», но какой ценой!

ДОМА ТЕРПИМОСТИ

В 1895 году местной полицией одного города была сделана попытка регистрации проституции. Регистрация эта не была закончена, да и велась крайне неумело, но тем не менее были добыты некоторые цифры, не лишённые интереса. Этими цифрами мы и воспользуемся, предупредив читателя, что цифры только отдаленно приближаются к действительному положению вещей.

Так, в составленной полицией таблице девушек моложе 16 лет не значится, а между тем, детская проституция везде уже очень развита.

Точно также и самое число зарегистрированных далеко ниже действительного. Очевидно, что регистрация произведена только в официально разрешенных «домах», причем и тут еще по весьма понятным причинам не показаны все девушки моложе 16 лет.

Всего зарегистрировано 184 женщины и девушки. По возрастам они распределяются так:

Лета:	16	17	18	19	20	21	22	23
число проституток	12	15	26	28	30	18	13	8

Лета:	24	25	26	27	28	29	30	и выше
число проституток	6	14	2	0	2	0	9	

Тут прежде всего поражает то, что цифра возрастает только до 20-летнего возраста, а потом падает и очень быстро, с 30 на 18, а потом на 13, 8, 6. Очевидно, что с 20-летнего возраста уже начинается убыль проституток из «домов», — иначе говоря, большинство доживает только до 20-летнего возраста, а затем начинается усиленная смертность.

Если разобрать цифры подробнее, то мы увидим, что 60.3% женщин и девушек в домах терпимости имеют от роду не свыше 20 лет, и целых 93% не свыше 25 лет. Это значит, что за 20-летний возраст перешагивают только 39.7%, а за черту 25-летнего возраста переходят только 7%.

В абсолютных цифрах это выразится так: из 184 женщин и девушек 20-летний возраст переживает 73 и 25-летний только 13. Но из этих 13-ти нужно исключить 9, значащихся в возрасте от 30 лет и выше. Цифра эта, очевидно, тут случайная, так как противоречит всем остальным. Присутствие такой «ненормальной» цифры объясняется весьма просто — зарегистрированы фиктивные проститутки. Это или инвалиды своего ремесла, служащие в домах прислугами, или же родственницы хозяек, живущие в доме в интересах надзора и записанные проститутками в силу закона, по которому женщины-не проститутки не могут жить в домах терпимости. Весьма возможно, что присутствие таких женщин в домах повлияло и на число лиц в 25- и 28-летнем возрасте, так как эти цифры также находятся в заметном противоречии с остальными и представляются явно преувеличенными. В действительности, в 25-летнем возрасте должно быть не больше 5, а в 28-летнем ноль. За таким исправлением таблица получит следующий вид:

Лета:	16	17	18	19	20	21	22	23
число проституток	12	15	26	28	30	18	13	8

Лета:	24	25	26	27	и выше
число проституток	6	5	2	0	

Это значит, что высший возраст для проститутки данного города 26 лет, но этого возраста достигают только 2 из 184, т. е. менее 2%. До 25-летнего возраста доживают 4,2%, до 24 л. 7,9%, до 23 л. — 12,7%, до 22 л. — 20,7%, до 21 г. 31,7%. Или, иначе говоря, в возрасте не более 21 года умирают 68,3%, в возрасте до 22 л. 79,3%, 23 л. — 87,3%, 24 л. — 92,1% и 25 л. — 95,8%.

Цифры эти, несомненно, должны поразить специалистов, так как общая статистика не дает такой высокой смертности в среде проституток. Мы лично объясняем себе такое несогласие цифр общей статистики с нашими несовершенствами и даже крайней неумелостью регистрации, результатами которой нам приходится пользоваться. В имеющей-

ся у нас табличке нет никаких указаний на причины резкой убыли с 20-ти летнего возраста. Между тем, всю убыль никак нельзя отнести на одну смерть. Нет сомнения, что не все выходят из домов терпимости мертвыми, некоторые выходят и живыми. Вопрос только, как и куда? Но этот вопрос весьма легко разрешается. Всем, кто хотя сколько-нибудь знаком с жизнью проституток, известно, что проститутка, раз она попала на эту печальную дорогу, почти никогда не сходит с нее до самой смерти. Возвращение к «честному труду» для нее почти совсем невозможно и является весьма редким исключением. Отсюда, как общее правило, можно принять — *проститутка почти всегда умирает проституткой*. А следовательно, с этой стороны небрежность полицейской регистрации, цифрами которой мы пользуемся, большого значения, по существу, не имеет.

Но регистрация эта произведена только в домах терпимости, и это обстоятельство нельзя упускать из виду, оно весьма важно в данном случае. Зарегистрирована *убыль* из домов терпимости, а убыль бывает всякая.

Если мы проследим «карьеру» одной проститутки, то увидим, что она начинает с высшего и кончает низшим, начинает с самого «шикарного» дома и, постепенно опускаясь, кончает «домом» самого низшего разряда, из которого уже выбывает или в могилу, или же на улицу, как совершенно потерявшая ценность. Такая карьера, почти без изменения, повторяется бесконечное число раз почти всеми, для всех только два выхода — или смерть, или инвалидность.

А так как в нашей табличке зарегистрированы проститутки всех домов и высшего и низшего разрядов, то очевидно, что прохождение проститутками всей «лестницы» их печальной карьеры на цифрах не могло отразиться. Зарегистрирован только конец карьеры, выход вообще из дома терпимости. А выход этот, мы видели, означает или смерть, или же полную инвалидность. Так что в предыдущие наши выводы придется внести одну только существенную поправку, именно на ряду с смертностью везде поставить и инвалидность. Процент смертности от этого, конечно, сильно понизится, так как значительная часть падет

на инвалидность.

Но если брать во внимание *положение* проститутки, как оно есть, то мы не видим разницы между смертью и инвалидностью, — больше того, мы предпочитаем первую второй. Проститутка-инвалид — это то безобразное человекоподобное существо, неспособное даже вызвать жалости, которое мы изредка только видим на улице, так как за ней строго следят и не позволяют ей появляться в «чистых» кварталах. Она практикует среди нищих и сама нищенствует, — но и то, и другое ей не дает почти ничего: как проститутка она потеряла ценность, а как нищая — она вызывает отвращение и отталкивает от себя «доброхотных дателей». Ее съедают болезни, она умирает с голоду! Не лучше ли смерть, чем такая жизнь?

Что касается того, что приводимые нами цифры смертности даже и вместе с инвалидностью все же высоки по сравнению с такими же цифрами для других местностей, — то объясняется это чрезвычайно тяжелым положением проститутки во взятом нами городе, тем гнетом, которым ложатся на нее местные условия жизни.

Прежде всего, нигде так не незащищена проститутка, как тут. Этому способствуют весьма многие условия, но главное — как это ни странно, — обилие денег в этом почти американском городе и соответственные этому требования публики, предъявляемые к дому терпимости в отношении обстановки, костюмов и пр.

На это производятся огромные затраты, — и эти-то затраты, главным образом, так быстро и приближают девушек к могиле или инвалидности. Публика, конечно, окупает все сделанные «домом» затраты и окупает с лихвой, но все выгоды падают на долю хозяйки и только хозяйки. А между тем, значительная часть затрат падает на долю девушек; все костюмы, привлекающие гостей и являющиеся, собственно говоря, своего рода орудиями производства, делаются за счет девушек, причем цена за них ставится двойная и даже тройная. Таким образом, за девушкой сразу же образуется значительный долг, который служит в руках хозяйки весьма сильным орудием против девушки. Напоми-

нением об этом долге хозяйка подгоняет ее более интенсивно «работать», т. е. спаивать гостей, исполнять все их прихоти, часто противоестественные и пр. Спаивая гостя, девушка и сама напивается, чтобы как можно больше уничтожить напитков, что опять-таки требуется выгодами хозяйки! Уже одно это ежедневное истребление напитков в ужасных количествах не может не расшатать здоровья. А к этому прямо принуждают девушек всякими средствами, не исключая побоев, запираения в холодный сырой подвал и пр. Прибавьте к этому профессиональные болезни и ужасная цифра смертности почти в годы юности не покажется высокой. Удивительно еще, как человек может выдержать те 4-9 лет (от 16 до 20-25 л.), которые значатся по нашей табличке. Ежедневное отравление сильными дозами алкоголя, профессиональные болезни, порок, как ежедневная работа, побои, истязания, — разве всего этого мало, чтобы убить человека даже в один год?

Постоянные посетители домов рассказывали нам во время наших исследований по этому предмету, что девушки прямо умирали на их глазах.

— При нас поступают и через год-два умирают.

Ужасная жатва смерти! И от этой страшной жницы нет возможности избавиться. Большие средства, которыми обладают хозяйки домов, делают борьбу девушек с хозяйкой невозможной, даже если бы она и захотела освободиться от кабалы. С такими протестантками обыкновенно не церемонятся. Нам, например, известен случай, когда «провинившуюся» девушку содержательница заперла в темный подвал и продержала там семь суток на хлебе и воде. Делается это, разумеется, для острастки, чтобы не было повадно другим. В этих же видах дисциплина в «домах» весьма строгая и жестокая. Обыкновенно муж или сожитель хозяйки имеет у себя плеть, которой и «наказывает» девушек за малейшую «провинность». Наказание производится по голому телу, до кровавых рубцов. Кроме того, «новенькая» находится под строгим надзором, ее никуда не выпускают, не позволяют ни писать, ни получать писем, даже разговоры ее с посторонними строго контролируются. Под таким над-

зором «новенькая» содержится до тех пор, пока окончательно не примирится с своим положением; а это достигается постоянным и систематическим одурманиванием спиртными напитками и исключительной замкнутостью интересов, строго ограниченных окружающей средой. Запертая в стенах дома, окруженная исключительно обитательницами его, подавленная жестокой дисциплиной — девушка поневоле начинает входить в интересы окружающей среды, ее начинает интересовать успех или неуспех товаров, фаворизм у хозяйки, победы над конкуренткой и пр. На языке содержательниц это называется «вошла во вкус», а на обыкновенном языке это значит, что девушка нравственно умерла, все человеческое в ней погибло, она специализировалась в обитательницу «дома». С этого момента надзор за ней ослабляется, но он уже и не нужен. Она и без надзора уже не пойдет никуда, разве в другой такой же дом. Победа над человеческой душой дается тем более легко, что большинство попадают в эту ужасную обстановку в юных летах, некоторые с 14-15 лет, а в 16-ть очень часто, т. е. как раз в том возрасте, когда девушка только формируется, когда у нее еще нет ни определенных наклонностей, ни вкусов, когда она представляет из себя материал, который весьма легко втиснуть в любую форму. А если принять во внимание, что содержателям и содержательницам в этом отношении не ставится никаких препятствий никем, то и понятно будет, что вырваться из притона не так-то легко. А что препятствий не ставится, в этом, к сожалению, не приходится сомневаться. Уже одно то, что в «домах», подлежащих официальной регистрации, годами живут 15-16 и 17-ти летние девицы, т. е. несовершеннолетние, юридически неспособные, доказывает, что те, кому ведать надлежит, к интересам содержателей домов относятся довольно бережно. Иначе ведь во всяком таком случае были бы возбуждаемы уголовные преследования, а несовершеннолетние девицы отправлялись бы на родину, к родителям или опекунам, без воли которых, по закону, они не могут распорядиться собой. Однако, таких преследований не воз-

буждается, следовательно, «надзор» склонен скорее помочь содержателю, чем преследовать его.

Этого мало: «надзор» часто очень горячо отстаивает интересы хозяина против его «рабынь». Содержательницам и содержателям чины полиции оказывают очень существенную помощь в порабощении девушек. Чтобы не быть голословными, мы приводим здесь прошение одной такой девушки, поданное ею на имя главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

Вот что она пишет:

Его С и я т е л ь с т в у

Главноначальствующему Гражданской Частью на Кавказе.

Крестьянки Харьковской
губернии Феклы Абрамовны
Жуковой

П р о ш е н и е.

Приехав в г. Баку 15 декабря прошлого 1900 года для приискания занятий, я, не зная города, остановилась временно в гостинице «Метрополь», объявив в местной газете о своем желании (иметь работу). На следующий день явилась ко мне женщина, оказавшаяся впоследствии экономкой дома терпимости г-жи Рахман, которая обманным образом, под видом будто бы содержимой мастерской дамских шляп, привезла меня в упомянутый «дом». Когда я увидела, куда я попала, то отчаяние мое было беспредельно, я умоляла отпустить меня, обращалась также к агентам полиции, но на мои вопли и стоны я получала в ответ лишь поругание. На улицу меня не выпускали, писать письма, получать или с кем-либо разговаривать не позволяли. Таким образом меня продержали около двух месяцев, после чего, видя не унимавшееся мое отчаяние и серьезное недомогание, отпустили, но без всяких средств. При этом немедленно явился околodоч-

ный надзиратель Шахтактинский и, заявив, что действует по приказанию, арестовал меня и, уложив мои вещи, отправил меня на вокзал для отправки на родину. На вокзал поехала с ним также и вышеупомянутая экономка. Там, подвергаясь самым грубым оскорблениям и насилиям, я была втиснута в вагон отходящего поезда, причем мне не дали ни билета, ни денег. С большим трудом я вырвалась, прибежала в полицейское управление и просила защиты и прекращения насилия. В лице помощника полицеймейстера ротмистра Измаильского я нашла гуманного защитника, он распорядился о прекращении беззакония, а хозяйке «дома»... Рахман, пользовавшейся мною в течение двух месяцев, предложил выдать мне 20 руб. на дорогу. Хозяйка взяла с меня предварительно расписку о полном удовлетворении ею меня, а потом выдала мне 15 руб. Но мне пришлось остаться в городе еще, так как в полицейском управлении предложили мне прийти на следующий день за получением пришедшего с родины паспорта. На следующий день утром является в номер гостиницы «Лондон», где я остановилась, чтобы переночевать, околоточный надзиратель Федин и с грубостями, превосходящими всякие понятия, приказывает собрать пожитки, с побоями, от которых я падаю, выталкивает меня на улицу и доставляет в 3-й полицейский участок. В последнем, по приказанию бывшего там дежурным вышеупомянутого Шахтактинского, меня вталкивают в темную нетопленную камеру, где и держат до полудня. Затем, видя, что я посинела от холода и совсем изнемогаю, перевели меня в комнату дежурного околоточного. Во время ареста в камерке агенты полиции — фамилии которых, кроме брата упомянутого выше Шахтактинского, не знаю, — заходили ко мне, учиняя самые грубые насилия в удовлетворение своей животной страсти. А Рахман с своей экономкой в сопровождении околоточного надзирателя Шахтактинского заходили для издевательств и осмеяния моего положения, которое, по выражению последнего, состоялось своим судом. К вечеру городской Ага-Мамед Джафаров, увидя меня в участке арестованной, донес об этом г. помощнику полицеймейстера,

который потребовал немедленного освобождения меня и явки в управление, где помощник пристава 3-й части, заменявший временно пристава, на выговор г. помощника полицеймейстера за допущение произведенного надо мною беззакония, заявил, что я была в состоянии невменяемости и производила бесчинства, послужившие причиной арестования меня. Г. помощник приказал по моему заявлению составить протокол при понятых, в котором упоминалось о сказанных беззакониях, произведенных надо мною агентами полиции, под которым я по предложению расписалась, и затем все это производство с паспортом на следующий день г. помощник представил г. полицеймейстеру. На следующий день я снова пришла в управление просить о выдаче отобранного от меня вида на жительство, на что г. полицеймейстер ротмистр Охицинский заявил мне, чтобы я обратилась в 3-й участок, где находится все мое дело и бумаги; но я убедительно просила дать мне возможность избежать посещения этого участка. Тогда г. полицеймейстер предложил мне прийти на следующий день. На следующий день г. полицеймейстер направил меня в 5-й участок, находящийся в «Черном городе», верст за 5 от города. Видя, что такой тяжбе нет конца, я настоятельно умоляла выдать мне документ и отпустить меня, на что г. полицеймейстер предложил мне сперва дать согласие о прекращении всего дела, уничтожения написанного протокола, дать подписку о добровольном моем согласии на проституцию, о моей полной виновности (?), прекращении дела и неимении никаких претензий, на что я, не видя другого выхода, согласилась и исполнила все требования, после чего, наконец, получила вид на жительство.

Доведенная таким образом упомянутыми лицами, также и помощником пристава, находящимся при управлении, г. Шаншиевым, которые, поправ всякие человеческие права, надругались, издевались и истязали меня, доведенная до самого плачевного физического, материального и нравственного состояния, обращаюсь к высокогуманному чувству Вашего Сиятельства, оказать Ваше просвещенное содействие в

защиту меня, ни в чем не повинной, от преследования полицейских властей.

Крестьянка Фекла Абрамовна Жукова

Это «прошение» как нельзя более характерно; оно вполне обрисовывает то положение, в которое попадает девушка, пожелавшая оставить печальное ремесло (мы оставляем в стороне исключительное положение Жуковой, попавшей в «дом» не по своей воле). Хозяйка просто выталкивает ее за дверь, без паспорта и без гроша денег, а агенты полиции насильно, с издевательствами вталкивают ее «в вагон отходящего поезда», не снабжая при этом билетом, т. е. ставят ее в невозможное положение: оставаться в городе не смей, а ехать дальше первой станции тоже не можешь, высадят. Словом, положение такое, в какое закон не ставит даже самого тяжкого преступника. А тут девушка, страшно потерпевшая от содержательницы дома и уж во всяком случае ни в чем не виновная, подвергается какому-то невероятному остракизму, ее хотят выбросить на соседнюю пустынную станцию, где она не в состоянии будет найти себе даже ночлега. За что и по какому праву? А главное, для чего это делается? Ответ на эти вопросы может быть только один: чтобы «проучить», отбить охоту протестовать у других. Иначе говоря, делается это исключительно в интересах содержательницы дома. В этом же направлении идет и все последующее «действие». Девушка вырывается и бежит к помощнику полицеймейстера. Тот принимает ее жалобу, относится к ней сочувственно (один из всего состава полиции), приказывает составить протокол, т. е. дает делу законный ход. С этой минуты девушка становится полноправной гражданкой. Так она думает и занимает номер в гостинице, чтобы переночевать. Но это не в интересах «хозяйки». Девушка возмутилась и нашла защиту, нашла «управу» на хозяйку, — это дурной пример другим. В таком положении нельзя оставлять дело. И оно не оставляется. Рано утром ее с побоями (до того, что она падает) тащат в уча-

сток и бросают в темный холодный чулан. И тут над ней опять начинают «показывать пример».

— Что, нашла правду! — издевается над ней та же хозяйка. — Не хотела жить в тепле да в холе, так посиди-ка вот тут!

— Как же, права отыскивать вздумала! — вторит ей околодочный Шахтактинский. — Вот тебе и права, вот тебе и суд! Мы своим судом скорей найдем твои права!

И, чтобы окончательно убедить ее, что она вовсе не человек, а по-прежнему только проститутка, к ней впускается участковая челядь во главе с братом околодочного, и над ней производятся возмутительные насилия...

Выводится она из этого положения только случайно, только потому, что тот же помощник полицеймейстера через городского узнает о действиях чинов 3-го участка. Ее освобождают и приводят в полицейское управление. Но на этом ее мучения не кончаются. Ее нельзя отпустить, она уже опасна и для чинов полиции, и для хозяйки. И вот ее начинают «водить».

— Иди в третий участок! — говорит ей полицеймейстер.

Это в тот самый участок, в котором она больше всего натерпелась мучений!

— Ради Бога, не посылайте меня туда! — молит она.

— Ну, тогда приди завтра.

А назавтра ее посылают в 5 участок. Почему в пятый? Дело началось в третьем и продолжалось у полицеймейстера, живет просительница в 3-м участке (гостиница «Лондон»), а ее посылают в 5-ый, собственно, за черту города, в заводской район. Зачем, почему?

Чтобы довести до того состояния, в котором человек машет на все рукой и поступает всеми своими правами. И это достигается. Она соглашается взять свою жалобу назад, признает, что она сама пожелала быть проституткой, что «хозяйка» права во всем, а виновата одна она, Жукова. В чем виновата? Этого ни она, ни те, которые отбирали от нее подписку, не знают. Фраза о ее виновности внесена просто на всякий случай. Сами они крутом запутались, спасаясь от одной вины, нагромодили целую кучу преступле-

ний, а поэтому и стараются оградить себя со всех сторон, до виновности ни в чем не повинной противницы включительно. Отбирая подписку, полицеймейстер забывает даже то, что самая эта подписка, говорящая о том, что Жукова согласна на уничтожение протокола, обличает его виновность, как чиновника полиции, прекращающего такие уголовные дела, как преступления по должности подведомственных ему чинов, неправильное лишение свободы со стороны тех же чинов, побои, издевательства и пр. и обманное завлечение Жуковой в дом терпимости хозяйкой этого дома Рахман, — словом, прекращающего и, следовательно, скрывающего такие преступления, которые прекращению не подлежат. Такова юридическая сторона дела. Но не такова фактическая. С фактической стороны Рахман и чины полиции достигают намеченной цели, они наглядно показывают всей корпорации таких же отверженных, что никаких прав у них нет, что протесты с их стороны ни к чему не ведут, что хозяйка всегда будет права, а они всегда останутся виновными. В этом убеждена даже сама Рахман. Заступничество полиции так подействовало на нее, что она в своих двух домах ввела еще более строгую дисциплину. Как раз в разгар борьбы с Жуковой перед ней «провинилась» чем-то еще другая девушка, крестьянка Харьковской губернии Марья Григорьевна Ткаченко. И вот хозяйка запирает девушку в сырой подвал и держит ее там около 10 дней. Факт этот был известен чинам полиции того же третьего участка. Приведенные нами факты, нам кажется, достаточно подтверждают высказанную выше мысль, что девушки остаются в домах терпимости далеко не добровольно. Иначе говоря, на глазах у общества существуют такие учреждения, которые, будучи поставлены как бы вне закона, на глазах у всех вырывают юных членов общества и превращают их в отвратительный позорный материал, почти пытками вытравливая в них все человеческое. И неужели это нормально? Неужели несчастные не найдут себе защиты хотя бы в той мере, в какой они имеют право на эту защиту по закону? Это было бы позорно для людей XX века.

Но, по-видимому, позор не особенно тяготит «людей XX века», так как они довольно охотно мирятся с существованием этих учреждений. Даже больше того, стараются закрыть глаза и не видеть их и приносимого ими зла. В этом отношении весьма характерна краткая история одного «Общества защиты несчастных женщин». Инициаторы этого общества с самого начала повели энергичную борьбу с развратителями девушек и с домами терпимости, опубликовав в местной газете все факты с именами виновных. Но местные буржуа испугались такого направления деятельности «общества» и решили принять меры. Сначала они попробовали «уговорить» инициаторов, а когда это не удалось, то они привлекли в члены общества своих сторонников и, составив большинство, оттерли своих противников, забаллотировав их при выборах в правление. В результате деятельность «общества» ограничивается содержанием мастерской, в которой работает 4-6 девушек. Борьба же с причинами зла совершенно оставлена. Между тем, инициаторы общества на эту-то борьбу и возлагали главные надежды. Насколько правилен был взгляд инициаторов общества, можно судить по тому, что в период их деятельности девушки и женщины прямо осаждали общество всевозможными просьбами, создалось целое движение среди женщин, распространившееся далеко за черту проституции. Ежедневно, например, приходили жены с жалобами на мужей и с просьбами выхлопотать отдельный вид на жительство; являлись по нескольку в день брошенные сожительницы с младенцами на руках, умоляя о юридической помощи и проч. Мы не говорим уже о проститутках, желающих бросить свое печальное ремесло... А теперь все это заглохло, затихло, к обществу в его новом составе почти никто не обращается.

Но возвратимся к нашим цифрам.

Следующая графа таблицы распределяет проституток по профессиям. В этой графе мы видим, что в кадры проституток рекрутируются исключительно трудящиеся женщины или жены трудящихся. Занимающихся домашним хозяйством попало в дома терпимости 68 женщин, домашняя при-

слуга представлена 88-ю женщинами и девушками, портнихи — 8, шляпницы — 3, белошвейки — 6, прачки — 1, фабричные работницы — 5, хористки — 3, бонны — 1 и нищенствующие — 1.

Эти цифры, как нельзя более, подтверждают указанные нами в предыдущих главах нашей книжки, при которых совершается развращение женщин. Мы указывали там на развращение домашней прислуги и жен мелких служащих и рабочих, — и вот полицейская таблица дает нам 68 женщин, занимавшихся раньше домашним хозяйством, и 88 прислуг, а всего 156 женщин или более 84% всего количества зарегистрированных проституток.

Точно так же и следующая графа вполне подтверждает наши предыдущие выводы, касающиеся способов растления. В этом отношении все женщины «домов» распределяются так:

Растлены: мужем — 29, любовником — 41, проданы — 1, в состоянии опьянения — 8, путем разных обещаний — 3, продавшихся за деньги — 15, изнасилованы — 15, «смешанные причины» — 72.

К сожалению, последняя цифра, занимающая также видное место, не позволяет сделать из приведенных цифр каких-либо более или менее точных выводов. Тем не менее, даже не входя в подробную оценку каждой цифры, нетрудно увидеть и тут отражение той же картины нравов, которую мы пытались нарисовать в предыдущих главах нашей работы. Если мы отбросим цифру «72», относительно которой нам ничего не известно, оставшиеся 112 женщин дадут нам богатый материал для размышлений. Двадцать девять из них вышли замуж невинными, а потом оказались в вертепе и притом же очень скоро, так как из предыдущего мы видели, что нам приходится иметь здесь дело с женщинами в возрасте не свыше 25 лет, причем этого возраста достигают только 4.2%. Средний возраст, следовательно, значительно ниже и уж никак не выше 22-23 лет. Предположив, что в среднем выходят замуж в 18-летнем возрасте, мы встретимся с поразительным фактом. Невинная девушка, в 18 лет вышедшая замуж, в 22-23 года оказывается уже в

доме терпимости. Но и этот срок, очевидно, еще не отвечает действительности, так как зарегистрирован не момент поступления в дом, а проживание в нем, т. е. зарегистрирован такой момент, которому необходимо предшествует известный период времени, для одной большой, для другой меньший. Если мы этот период времени определим только в один год, и тогда окажется, что невинная новобрачная попадала в дом терпимости через три-четыре года. И таких «новобрачных» в домах оказалось 29 из 112-ти, или почти 26%! Что их заставило таким форсированным маршем приблизиться к такому печальному концу? У каждой из них был муж, естественный кормилец, следовательно, особенно острой нужды они не могли испытывать. Семейный разлад в такое короткое время, как три-четыре года, не мог довести женщину до дома терпимости. Она могла уйти от мужа, но не прямо же в вертеп разврата! Явно, что все они погибли по каким-то особым причинам. Эти причины мы и указывали выше. Они заключаются в общем строе отношений к женщине. Она предмет купли-продажи, а поэтому, как только на горизонте появится молоденькая женщина, так на нее предъявляется «спрос». Претендентами являются обладатели более или менее крупных доходов. Действуют и через мужа, и помимо его, смотря по обстоятельствам, но почти всегда достигают цели. Новобрачная втягивается в атмосферу разврата и затем весьма быстро скатывается по наклонной плоскости прямо в дом терпимости. Весь цикл развращения невинной женщины иногда заканчивается в течение 1-2 лет.

Еще быстрее карьера тех, которые начинают не с замужества, а с сожительства с любовником. Таких в таблице 41 или около 37%. В предыдущих главах мы указывали на очень распространенное явление сожительства с горничными. Цифра эта, полагаем, достаточно ясно говорит, каковы последствия этого сожительства.

Затем идут «проданные», «пьяные», «обманутые», «продавшиеся», всего 27 женщин, или более 24%. Для всех этих, очевидно, существует одна причина — деньги. Разница только в том, что за одних деньги взяты кем-то другим, дру-

гие взяли сами, третьи с помощью подкупленных пособников опоены вином, четвертые не без участия таких же продажных пособников обмануты. Но главным рычагом были везде деньги, обилие денег у одних и полное отсутствие их у других. Для одного рубль — огромная сумма, а другой имеет возможность сорить рублями, как прахом земным. Поэтому последний действует хладнокровно, с известным расчетом, а у первого с первого же момента кружится голова от неожиданного дождя рублей. Словом, как и вообще в жизни народов, главным злом является неравенство распределения капиталов: у одного миллион, а у другого ноль! А отсюда и сопротивление второго по отношению к первому равно нулю.

По сословиям обитательницы домов распределяются так: крестьянок — 137, мещанок — 46 и дворянок — 1.

Это значит, что в огромном большинстве попадают в дома терпимости приезжие женщины, в особенности деревенские жительницы, т. е. крестьянки, которых в таблице и отмечено 137, или 74.4% всего количества. Объясняется это именно тем, что на них больше всего влияет кажущаяся выгодность ремесла проститутки, а также и вся обстановка жизни.

В самом деле, если сопоставить серую трудовую жизнь крестьянской женщины, задавленной нуждой, привыкшей на каждую копейку смотреть с благоговением, с видимой роскошью обстановки проститутки, то приходится сознаться, что соблазн слишком велик, почти непреодолим. Для горожанки уже легче противостоять соблазну, так как ей более или менее известна не одна показная сторона жизни, а и внутренняя, она видела или слышала от других, что в жизни проститутки не одни цветы, а есть и тернии. Это и подтверждается таблицей, показывающей всего только 46 мещанок, или 25% всего количества.

НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОРОК

Сношение с малолетними и с особями одного пола, о которых мы говорили выше, относится уже к области неестественного порока. Тут уже страсть выливается в болезненные формы, выходя за пределы здорового и нормального удовлетворения естественной потребности.

Но это только начало потусторонней страсти. Болезнь, развиваясь, не останавливается на этом. Извращенная фантазия пресыщенного и обессиленного пороком человека идет дальше. Она стремится победить физическое бессилие, заменяя одни органы другими и создавая, таким образом, нездоровую атмосферу половых настроений, в которых человек и живет, как в пьяном угаре.

Сюда относится так называемая лесбосская любовь, известная еще в глубокой древности. Тут устранено даже главное условие полового возбуждения — необходимость хотя бы близости субъекта противоположного пола. Место мужчины для женщины занимает женщина. Объясняется это, может быть, тем, что эта форма порока впервые возникла на Востоке, где женщина была поставлена в такие условия, что внебрачные сношения с мужчиной для нее были почти недоступны.

Во всяком случае, лесбосская любовь — удел обеспеченных классов, до демократии она не спускается. А поэтому и к нашей теме этот порок мало относится. Тут нет главного условия существования проституции — это необходимости услуг со стороны голодного человека для другого, обеспеченного, пресыщенного. Нет купли-продажи. Тут две женщины, подавленные вечной праздностью, витают в области нездоровой фантазии и создают себе культ из постоянного полового раздражения, оказывая друг другу услуги.

Социальное неравенство классов, являющееся прямой причиной существования проституции, в данном случае говорит только нам, что в нем, в этом социальном неравенстве заложена гибель не только рабов, но и господ. Праздность и чрезмерное питание, не регулируемое здоровым тру-

дом, отдают этих последних во власть таких пороков, которые ведут ни к чему иному, как к самоуничтожению.

Класс, дошедший до извращения удовлетворения половых потребностей, не может существовать; он сам кладет предел своему существованию. Его историческое *завтра* отмечается не чем иным, как смертью. Признаки наступления этого *завтра* мы видим и сейчас. Так называемые старые роды, аристократические и буржуазные, в большинстве случаев производят потомков с явными признаками вырождения. Больше того, быть дегенератом становится почти обязательным для природного аристократа. Поэтому те, которые «по несчастью» случайно родились от здоровых родителей, стараются симулировать дегенерацию, чтобы таким образом воочию перед всеми показать и доказать свое аристократическое происхождение. Сам класс, значит, признал, что его потомками могут быть только дегенераты. А если в известном субъекте нет ясных признаков вырождения, то и аристократизм его происхождения сомнителен, в нем, значит, есть кровь постороннего класса, кровь плебея, так как только отсюда может еще выходить здоровое потомство.

И, когда пшют корчит физиономию полуидиота, то он этим самым бессознательно усиливается доказать, во-первых, что отец его при женитьбе не совершил мезальянса, а во-вторых, что он именно сын своего отца, фамилию которого носит, а не зачат при благосклонном содействии маменькина кучера, дворецкого или циркового атлета.

Но такой пшют и не подозревает, что он своей физиономией и мимикой доказывает еще и третье — это то, что его родители неспособны произвести здоровое потомство. А это такое грозное предостережение для аристократии (буржуазной и родовой, безразлично), как класса, что она уже в одном этом должна бы почерпнуть убеждение, что «так продолжаться не может». Однако, как ни часто эти слова повторяются, все же владельцы капиталов, взявшие гибельную и для себя привилегию праздности, остаются глухими и слепыми, ни на минуту не сворачивая с раз намеченного пути... к пропасти.

Демократические классы время от времени пытаются силой своротить их с этого пути, происходят кровавые столкновения, — но владыки капитала цепко держатся за свое положение свободных от труда людей. Этот слепой эгоизм, направленный прямо против интересов потомства, тем более поразителен, что буржуа и аристократы весьма чадолюбивы. Даже и само экономическое господство и стремление к нему оправдывается, в сущности, страстным желанием обеспечить будущность потомков. Тут забывается и не принимается во внимание одна простая вещь — это то, что, оставляя потомству готовые средства к жизни, люди тем самым лишают это потомство необходимости трудиться, устраняя этим одно из самых необходимых условий жизни. Человек, поставленный в такие условия, путем обильного питания ежедневно приобретает все новые и новые физические силы, а нормального здорового клапана для траты этих сил не имеет. Правда, такой клапан мог бы создать спорт, в основу которого положены физические упражнения. Такой спорт и пропагандируется в аристократических и буржуазных кругах. Но мы видим, что число спортсменов этого рода весьма незначительно. Притом же, и это незначительное количество спортсменов падает всецело на возраст крайней молодости. В зрелых годах спорт оставляется. Это правило приложимо даже к Англии, стране спорта.

А если это так, то в конечном выводе спорт как суррогат здорового физического труда спасает от вырождения только единицы. Класс же в своем целом страдает отсутствием траты физических сил, что *неминуемо ведет к постоянному и ненормальному половому возбуждению.*

Праздность — мать всех пороков. Это прописная истина, которую нам приходится дополнить разве тем, что в числе детей праздности первенцем является половое извращение, порок самый скверный и в то же время самый губительный для человеческой семьи.

Праздная фантазия, постоянно подогреваемая избытком неиспользованных физических сил, ищет все новых и новых интересов в области полового вожделения. И если Сафо культивировала лесбосскую любовь, то мужчины в свою

очередь додумались до возможности обходиться без помощи женщины.

Но об этом мы уже говорили в начале нашей работы, а поэтому и не будем особенно распространяться о формах этого порока. Скажем только, что если на Юге и Востоке этот порок захватывает достаточно широкие круги населения, от магната-аристократа до самого маленького буржуа, — то в северных странах мужеложство культивируется исключительно в высших кругах аристократов или претендующих на аристократизм. Это привилегия больших бар, в особенности занимающих исключительно высокое положение, за которыми идут и их рептилии, вроде известного в Петербурге князя...

Но это их домашнее дело, не выходящее за пределы данной социальной группы, и поэтому к нашему вопросу имеющее только косвенное отношение.

К сожалению, половые извращения этим не ограничиваются. В большинстве случаев пресыщенный человек обращается к услугам бедных, голодных людей.

Вот такую картинку мы находим в газете «Сегодня».

В 3-4 часа ночи разврат уже догорает на Невском проспекте.

Остаются только одни «головешки» — десятка два оборванных, иззябших, несчастных «жриц любви», от которых отказался последний пьяненький рябчик — приказчик или половой из трактира.

Они уныло бродят по улице, попыхивая папироской и с замиранием сердца думая о завтрашнем дне.

Завтра—голод. Ругань «хозяйки». Побои, жестокие побои «кота», который придет за выручкой и ничего не получит.

В это время появляются на Невском маркизы де Сад.

Обыкновенно это очень прилично одетые господа, по большей части в цилиндрах и с моноклями.

Заметив одиноко бродящую девушку, франт подходит к ней и презрительно цедит сквозь зубы:

— Э-э... скучно, милая?

Девушка изображает на своем испитом, затасканном лице обворожительную улыбку.

— Конечно, скучно, — говорит она, — вдвоем завсегда веселее...

Франт еще презрительнее пожимает плечами и говорит, морщась:

— Ну, какое с тобой веселье. Дурнушка ты, почти урод...
А вот это, если хочешь...

Он показывает хлыст и небрежно роняет:

— 15 ударов — два рубля!

Бедная жрица любви начинает раскидывать мозгами.

Ей все равно быть битой. Если она отвергнет предложение франта, ее завтра будет истязать ее покровитель. Будет топтать ногами, колотить чем попало и по чем попало.

Уж лучше быть исколоченной хлыстом франта... Полусоглашаясь, она спрашивает:

— А вы не больно?

— Нет-с, больно... Очень больно! — говорит он...

Девушка все таки соглашается, и начинается торг.

3-4 рубля обыкновенно удовлетворяют обе стороны, и за эти деньги франт покупает право на истязание несчастной жертвы голода.

Начинается истязание.

Маркиз де Сад, понятно, сечет свою жертву не просто, а со всякими фокусами.

Иногда он входит в блок с «хозяйкой», и тогда над жертвой начинают издеваться.

Ее секут на полу, на кровати, на табурете. Секут хлыстом, ремнем, розгами.

Девушка кричит — ей завязывают рот. В промежутках ее спаивают коньяком и пивом.

Дворник слышит задушенный крик, свист розог, но рубль закрывает ему глаза и уши.

К утру, совершенно пьяную, всю в рубцах и кровавых подтеках, девушку, бросают на кровать.

Однако к вечеру она уже опять припудрена, подрумянена, одета с убогим шиком, который требуется для улицы, и

готова к новым ласкам или истязаниям.

Между дамами Невского есть уже такие, которые, поймав вас за рукав, сразу предлагают:

— 3 рубля хлыстом, а ежели ремнем, то два...

Есть, говорят, такие артистки, которые так «выделали кожу», что свободно переносят 25-30 ударов хлыстом.

— Вам с криком или без крика? — спрашивают они у нанимателя.

И сообразно с этим ставят цену.

Обыкновенные проститутки, у которых кожа еще чувствительна, завидуют им страшно (!).

— Хоть от скверных болезней застрахованы! — говорят они, вздыхая. — Рубцы заживут. Кожа не платье, которое зашивать нужно, если порвется. Она сама заживает...

Число маркизов де Сад заметно прогрессирует за последнее время.

В 3-4 часа их можно видеть везде на Невском: у пассажа, у Николаевского вокзала, у Аничкина моста.

Между ними молодые франты, солидные мужчины средних лет с брюшками; попадаются даже седовласые старички.

Они шныряют по улице, заглядывая под шляпки и приглядываясь к лицам, на которых заметнее и рельефнее видна печать голода.

Картина характерная для существующих социальных отношений. Полное пресыщение тут ищет своего антипода — безнадежно голодного человека, над которым и проявляет власть денег, — проявляет в полной мере, не стесняясь никакими границами.

Жестокость! Но не одна жестокость, а с примесью большой дозы болезненной страсти, которая и ставится целью в дикой картине истязания женщины.

Хлыст, как средство для достижения полового удовлетворения, не составляет новости. Это всегдашний спутник полового бессилия, хотя применяется и различно.

Тут мы видим истязание женщины, которым и достигается удовлетворение бессильного истязателя. Но известна и

другая форма, когда женщину ставят в положение истязательницы: она сечет своего нанимателя и тем доводит его до возбуждения.

Таков удел пресыщенных людей. Им приходится хлыстом выбивать из себя способность сношения с женщиной.

Но это средство слишком радикальное и не всем по силам. А поэтому болезненная фантазия и ищет выходов в другой стороне, именно в созидании известной обстановки для разврата и в замене обессилевших органов другими, предназначенными природой совсем для других функций.

ПОРНОГРАФИЧЕСКИЙ КЛУБ

Мы заимствуем описание этого клуба из газеты «Столичное утро». Целью этого клуба как раз именно и служит создание возбуждающей атмосферы, в которой страдающий половым бессилием субъект доводит себя до такого состояния, в котором удовлетворение получается помимо соответствующих органов.

Иначе говоря, весь человек превращается в один сплошной половой орган.

Вот какова обстановка такого превращения.

I

Автор описывает клуб, как очевидец.

. . . . .

...Мой знакомый повел меня в конспиративный «Храм Эроса».

Мы вошли в роскошно обставленную приемную, где меня снабдили карточкой, именовавшей меня почетным гостем «Эротического клуба»...

Общий зал, куда мы вступили из приемной, поразил меня своим великолепием. Стены, потолок, окна и двери были роскошно декорированы розовым шелком, из-за складок которого глядели парижские гравюры в плотных рамках черного дерева.

В зале волнами переливался розовый полумрак, отчего обнаженные фигуры на гравюрах приобретали жизненность и создавали приторную, липкую атмосферу скрытого разврата..

Возможно, что в данном случае не обошлось без психологической подкладки, потому что содержание гравюр не вы-

ходило пока за пределы обычных изображений мужского и женского тела.

По залу взад и вперед прогуливались дамы в умопомрачительных туалетах и мужчины в официальных смокингах и сюртуках.

— Мы пришли рано, — шепнул мне знакомый, оглядывая немногочисленную публику, гулявшую по залу со скучным и безучастным видом.

— Это одно из фойе, — добавил он, — очевидно, в залах еще не все готово. Ведь здесь декорация меняется два раза в неделю, с прибытием зарубежных транспортов. Декорацией заведует парижский художник Б. и «небезызвестный в последнее время беллетрист-поэт», фамилию которого излишне называть (!).

— Только в этом сарае все по старому, — сказал он, с небрежной брезгливостью оглядывая роскошную декорацию фойе.

Публика все прибывала.

Появились паралитики-старички, юноши, не уступавшие дряхлостью старичкам, кое-где мелькнули три-четыре розовых мальчишеских физиономии.

Но преобладали, несомненно, женщины.

Они буквально затопили морем кружев и шелка весь зал, и отдельные группы мужчин редкими черными островками выделялись среди разноцветных полутонов дамских нарядов.

Мимо меня проскользнул 14-летний толстый мальчуган, с каким-то виноватым видом следовавший за испитым чахлым мужчиной.

Я удивленно посмотрел на моего спутника.

«Неужели?» — мелькнула в голове отвратительная мысль.

— «Крылья»*, — спокойно улыбнулся мой знакомый.

Наконец дверь в другой конец фойе распахнулась, и струя бледно-синего света ворвалась в фойе.

Публика хлынула в открытую дверь.

---

* Имеется в виду гомоэротическая повесть М. Кузмина, впервые увидевшая свет в 1906 г. (*Прим. ред.*).

Мы вошли вслед за всеми.

Кровь ударила мне в голову, и жгучий стыд буквально переполнил все мое существо.

Прямо предо мной в глубине комнаты чуть ли не полстены занимала задрапированная голубой кисеей картина.

Изображалась гнусная сцена утонченнейшего парижского разврата. Реализм бил всюду. Детали, видимо, сладострастно смаковались «опытным» художником. Наглым цинизмом дышал каждый мазок кисти.

Я отвернулся и в глаза мне ударило еще более отвратительное зрелище.

Сотни раскрасневшихся, потных лиц, дышащих последней степенью страсти, налитые кровью глаза, искрящиеся тупым, безумным блеском взоры. Каждая жилка трепетала в этих животных физиономиях, искаженных отвратительным чувством извращенного сладострастия.

Трудно сказать, что производило более грязное ощущение: картина ли, или разгоряченная ею публика?

— Выйдем отсюда! — шепнул я своему спутнику, также, видимо, слегка возмущенному этим зрелищем.

— Да, марка чересчур высока! — пробормотал он, увлекая меня сквозь толпу в боковую дверь.

— Посидим в библиотеке, а потом прямо пройдем в концертный зал.

В библиотеке мы очутились одни...

«Неужели снаружи ничто не обличает характера библиотеки?» — подумал я и сам устыдился своей наивности

В углу, слегка прикрытая тяжелой бархатной портьерой, белела гипсовая фигура обнаженного мальчика с цинично сложенными руками.

— Здесь исключительно иностранная литература, — сказал мне мой спутник, — из русских только Кузьмин принят в библиотеку клуба. «Санин» Арцыбашева признается панацеей мещанской нравственности.

— Однако, какая все-таки гадость! — не удержался я. — Эти картины! *Это возбуждение пресыщенной животной толпы!*

— Ну, это вы напрасно, — хладнокровно ответил мой знакомый. — Я вас понимаю. Несомненно, на первый раз такая степень высока! Она может даже оттолкнуть. Здесь необходима постепенность! Вы последовательно должны приучиться постигать красоту сладострастия. А ведь оно-то, сладострастие, менее всего в общепринятых формах мещанского женолюбия. Оно именно в том, что вы называете извращенностью чувства.

Мой спутник позвонил прислугу и потребовал ликера.

— Для первого раза хоть одурманьте себя, — сказал он, — а то вы рискуете не быть в состоянии пробыть здесь до конца вечера.

II

Мелодичный серебряный звонок нарушил нашу беседу.

— Пойдемте! — сказал мой спутник, — Сейчас концертное отделение!

Мы вошли в огромный полутемный зал.

Густой, приторный запах сирени так и обдал нас, и в сиреневом сумраке трудно было различить что-либо.

За сценой послышались тихие аккорды арфы. Аккомпанировал рояль.

Я не знаток музыки, но и на меня пахнуло чем-то нежным, знойным, заволакивающим сознание, доводящим его до отупения, до страшной сверхчувственности.

Темп усиливался; но не веселье, не разгул чудился в тягучей повышавшейся мелодии: липкую тину пряного чувства, восточное, острое, непонятное возбуждение навевала эта новая для меня музыка.

Резкий аккорд прервал очарование.

Взвился занавес, и волны мягкого красного света хлынули в зал с волшебной убранной живыми цветами эстрады.

На сцену выпорхнули две танцовщицы в совершенном почти дезабилье.

Начался танец.

Гибкие, изящные телодвижения, томная грация и дурманящая прелесть страстных порывов вдруг бесстыдно нарушились неприкровенным цинизмом, грязной пошлостью, отвратительным до тошноты жестом.

Танцовщицы изогнулись в диком кричащем изгибе, и вдруг из-за сцены с легкостью серн выскочили четверо мальчиков, — весенние, красивые, стройные, — совершенно обнаженные.

И как ни красиво гармоничное сочетание молодых, изящных, свежих фигур, — чем-то тайно гнусным, бесстыдно отвратительным повеяло от этого восточного сладострастного танца, возбуждавшего истерические вскрикивания в общем сумраке зала.

Но танцы окончились.

На сцену вышла костлявая изможденная фигура юноши. Он был совершенно гол.

— Лектор эстетики, — шепнул мне мой спутник.

Отвратительная фигура сухопарого юноши бесстыдно стала на краю сцены.

Я отвернулся. Слишком циничен был вид молодого профессора.

Длинно, скучно и отвратительно повествовал лектор об аномалиях своего противного тела, явившихся следствием неестественных половых желаний; кружилась голова и подступало что-то к горлу от цинично откровенной речи бесстыдного юноши.

Наконец он окончил.

На сцене появился «небезызвестный беллетрист-поэт».

Трудно передать всю ту массу пошлости, цинизма и карамазовщины, которую рекомендовал поэт, как новый путь в литературе, искусстве и в чувствах современного человека.

Нет! Лучше обойти эту проповедь!

Концертное отделение было закончено.

III

— Ваша программа закончена, — обратился ко мне мой спутник. — Гостям нельзя долее оставаться здесь. Но если вы хотите увидеть дальнейшее, я попрошу об этом председательницу общества и хозяйку дома баронессу Ш...”

Я махнул рукой. Цинизм атмосферы до такой степени обдал меня со всех сторон, что я чувствовал себя навеки погрязшим в липкой массе скверны.

— До конца, так до конца! — сказал я.

Спутник мой вернулся от председательницы.

— Позволила. Пойдемте в мой кабинет, — сказал он, обращаясь ко мне и к сидевшей рядом с ним красивой женщине южного типа.

Я не помню, что произошло. Несомненно, на меня опьяняюще подействовал не столько выпитый ликер, сколько все виденное.

Но в кабинете моего спутника я помню такую картину.

В купальном костюме полулежит в кресле мой знакомый. У него на коленях в самом откровенном виде сидит приглашенная им женщина. А против нее сладострастно улыбается эротическая старческая физиономия.

Из чувства элементарного стыда я лишен возможности полнее описать эту сцену. Достаточно того, что главным действующим лицом являлся старичок — vis-à-vis.

У меня закружилась голова от отвращения.

Я выскочил из кабинета моего знакомого в библиотеку.

Грязное до тошноты отвратительное ощущение объяло меня от головы до ног. Противно было прикосновение собственной своей руки.

. . . . .

И вдруг . . . . . открылась дверь, и в библиотеку выскочил голый измятый мальчик. Истерзанный вид его, помутневшие глаза, дрожащие руки и вся пошатывающаяся,

измученная фигура слишком ясно говорили, в чьей власти
он был. . . . .

. . . . .

Я собрал последние силы и вышел из этого гнусного ому-
та разврата.

Отцы, матери, учителя и воспитатели, берегитесь! В про-
грамму общества включено: начать с осени пропаганду эро-
тических идей среди учащихся обоего пола.

(«Стол. Утро», № 45 — 1907 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По поводу этого описания «порнографического клуба» нам остается сказать только несколько слов, которые вместе послужат заключительными словами для всей нашей работы. Порнографический клуб, а вернее, просто притон противоестественного разврата, является венцом тех отношений людей, на которых держится капиталистический строй. Постепенно в своем развитии этот строй одних порабощал и обессиливал, а других возводил по лестнице могущества и власти, поставив, наконец, их в такое положение, что и само порабощение не требует от них никаких усилий. У них, таким образом, все есть и все дается без труда, не исключая и власти.

Отсюда, они потеряли значение в жизни даже и в качестве властителей. Система строя действует сама, без их участия. А они оказались совершенно ненужными в общей производительной работе, оказались «лишенными труда», как их антиподы лишены прав. А лишенный труда неминуемо теряет цельность и крепость организма; развитие его организма идет в одну сторону и именно в ту, с которой к нему предъявляются требования.

В данном случае, эти требования определяются традиционным: «Вино и женщины!» — что в свою очередь сводилось к половым наслаждениям. В продолжение веков эти наслаждения были обычным режимом жизни, что естественно и повело к переутомлению, за которым, как уже указано выше, последовало начало вырождения класса. На сцену уже выступает потомство, которому естественные сношения с женщиной недоступны. Требуется порнографический клуб, иначе говоря, требуется учреждение для самоубийства. И в это учреждение идут, не могут не идти, так как иного смысла существования нет. Для них в обществе нет иного дела, и убийственный клуб — только логический и естественный конец всей истории господства одних и рабства других. Жизнь, сама природа, мстит господам за муки

и страдания рабов и приводит их в порнографический клуб, как в историческую могилу, в которой они и найдут свой бес-славный конец.

Оглавление

От автора	7
Дети	9
Дети и общественная совесть	17
Биржа тела и неестественная любовь	20
Сводничество	25
Техника насилия	28
Семейные вечера	32
Муж в роли сводни	37
Жаждающие случая	43
Сводни-родственники	45
Содержанки при муже	48
Татарин дал	51
Первенство жены	56
Любовь-товар	58
Содержанки-горничные	61
Содержанки	68
Одиночки	73
Малолетние в притонах	75

Номера для приезжающих	77
Кондитерские	80
Дома терпимости	81
Неестественный порок	97
Порнографический клуб	104
Заключение	111

Текст книги публикуется по первоизданию (СПб.: тип. «Север», 1908) с исправлением очевидных опечаток. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

В оформлении обложки использована работа
Ж.-А. Грюна.

ТЁМНЫЕ СПАСЕНИЯ

SALAMANDRA P.V.V.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.